

**Министерство образования и науки Украины
Славянский государственный педагогический
университет**

В. А. Глущенко

Слово: культура и история

Славянск 2010

УДК 808.2.00.3084.2
ББК 81.411.2–7
Г555

Рецензенты: Н. А. Луценко, доктор филологических наук, профессор (Донецкий национальный университет);

Л. В. Сегин, кандидат филологических наук, доцент (Славянский государственный педагогический университет).

Пособие рекомендовано к печати ученым советом Славянского государственного педагогического университета 27 ноября 2008 г. (протокол № 4).

Г555 **Глущенко В. А.** Слово: культура и история : пособие для студентов и учителей. – Славянск : Видавець Б. І. Маторін, 2010. – 51 с.
ISBN 978-966-1554-49-7

В пособии рассматривается происхождение и функционирование русских слов. Особое внимание уделено вопросам культуры речи. Материал книги может быть использован на практических занятиях по русскому языку в вузе и на школьных уроках русского языка.

ББК 81.411.2–7
В. А. Глущенко, 2010

ISBN 978-966-1554-49-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

К работе над научно-популярными статьями о русском языке меня приохотил мой коллега Олег Ефимович Ольшанский (1921 – 2005), профессор кафедры общего и русского языкознания и теории и истории литературы Славянского государственного педагогического университета. Начиная с 1997 г. он стал публиковать в газетах г. Славянска небольшие по объему, но очень содержательные научно-популярные статьи о русских словах, а вскоре предложил мне и Н. М. Маториной, доценту кафедры, попробовать свои силы в этом жанре, с тем чтобы издать совместную книгу. Она была названа «Из жизни слов русского языка». 1-й выпуск книги вышел в 1998 г., а последний, 10-й, посвященный памяти О. Е. Ольшанского, – в 2007 г. (авторский коллектив постепенно рос, в него вошли профессора Л. А. Быкова, Н. П. Матвеева и доцент Ю. В. Ледняк). В течение последних 12 лет я публиковал свои статьи о русских словах в десяти выпусках книги, в журналах «Русский язык и литература в школах Украины» и «Русский язык, литература, культура в школе и вузе», а также в газетах г. Славянска, преимущественно в «Совете».

Со временем возникла необходимость собрать вместе то, что было опубликовано в разные годы. Так появилась книга «Языковая ярмарка» (Славянск, 2008). В нее вошли избранные статьи, так сказать, узкий круг.

Параллельно с этой книгой я начал готовить к печати расширенный вариант избранного, поставив перед собой задачу рассмотреть более широкий и в большей мере ориентированный на учебный процесс круг вопросов, чем в «Языковой ярмарке».

Так появилась на свет книга «Слово: культура и история».

В. Глущенко

НОВЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК?

БЛИН В НАТУРЕ

– Вот только не надо мне этого базара про рынок, – сказал Шурик и наморщился.
Виктор Пелевин. Чапаев и Пустота.

О происхождении слов *блин* и *натура* можно прочитать в этимологических словарях, специальных исследованиях по исторической лексикологии и научно-популярных работах. Большинство этимологов считает, что слово *блинъ* возникло в древнерусском языке из более древней формы *млинь*, связанной с *мелю*, *молоть* (эти глагольные формы содержат индоевропейский корень: сравните, например, готское и древневерхненемецкое *malan* «молоть»). Появление в *блинъ* звука *б* – результат диссимиляции *м-н* > *б-н*. Что касается слова *натура*, то оно латинского происхождения (латинск. *natura* «природа»).

Но, как говаривал один киногерой, сейчас не об этом.

А о чём, блин? А о том, что у нас пипл отвратно родной язык знает, в натуре! Поговорим об этом чисто конкретно. Ведь что у нас по понятиям выходит? За базаром-то пипл не следит! А на фига следить, блин? Что, у нас других делов нет? И еще: учились-то мы все на халяву!

Может, какой козёл хочет, чтоб мы типа словари читали? Круто! В натуре круто! От такого ж крыша поедет, блин!

Что за прелесть новый русский язык! По-моему, он вполне «забьет баки» новоязу Джорджа Оруэлла.

Как же порой бедна, убога наша речь! А ведь небрежность речи – это выражение неряшливости мыслей. По моим наблюдениям, слово *блин* в значении вводного слова и междометия (выражает любые эмоции: радость, гнев, досаду, удивление и т. п. – универсальное словцо!) часто употребляют и люди с высшим образованием – те, кого принято называть интеллигенцией.

Али мы бусурманы лихие, что калечим родную речь?

О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя, как не впасть в отчаянье? Но ты есть – и я верю, что нерусский русский станет мёртвым языком. Как, например, готский или санскрит. И что письменных памятников на нерусском русском останется немного. Лишь надписи на заборах и стенах.

В натуре!

АРТИКЛИ В РУССКОМ?! (по мотивам анекдота)

ТИПА – бывшее самостоятельное существительное «тип», раскорячившееся в родительном падеже и придающее значение неопределенности всему, к чему прилагается. А приставляют его теперь куда ни попадя: и к существительным («типа парнишка»), и к прилагательным («типа крутой»), и к местоимениям («типа у него»), и даже к глаголам («типа есть»).

Раньше сказали бы: у нас, мол, что-то «типа русского языка». Теперь мы имеем – «типа русский язык». То ли грамматику перекосило, то ли нас.

Б. Войцеховский. Типа толковый словарь великого и могучего (Комсомольская правда в Украине, 14 марта 2001 г.)

Лингвисты утверждают: в русском языке появились артикли!

Как известно, артикли есть в арабском языке (семитская группа афразийской языковой семьи), в языках германской и романской групп индоевропейской семьи. В частности, в английском (германская группа), как, впрочем, и в ряде других языков, артикли являются формальным выражением категории определенности / неопределенности, присущей именам существительным. Приведем простейший пример: предложение *Give me a book* означает «Дай мне (какую-нибудь, любую) книгу» (неопределенный артикль *a*), а *Give me the book* – «Дай мне (эту) книгу» (определенный артикль *the*).

Все это хорошо известно из школьной программы. Но причем здесь русский язык? А при том! В последние годы в русском языке появились неопределенный и определенный артикли. В самом деле, чем, как не артиклями, являются слова *типа* (неопределенное значение) и *чисто, чисто конкретно* (определенное значение)? Проиллюстрируем: предложение *Дай мне типа книгу* означает «Дай мне (какую-нибудь, любую) книгу» (неопределенный артикль *типа*), а *Дай мне чисто книгу* – «Дай мне (эту) книгу» (определенный артикль *чисто*).

Более того, в употреблении артиклей новый русский язык пошел дальше английского и других традиционно «артиклевых» языков. В них артикли употребляются только с именами существительными. Известный лингвист А. А. Реформатский называл артикли «грамматическими сопроводителями» **существительных**. Боже, как он ошибался! Язык решительно опроверг догматическое утверждение языковеда. В новом русском артикли стали «прилипать»

даже к глаголам! Вот примеры: *Я типа решил* (т. е. «Я решил в общих чертах») и *Я чисто конкретно решил* (т. е. «Я принял вполне определенное решение»).

Но, конечно, употреблять русские артикли следует натошак. Для мало-мальски заполненного желудка они неудобоваримы.

О КРУТОМ КАЧКЕ И НЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Паренек из уральского города Березовска признан самым крутым в мире качком: он выиграл турнир по бодибилдингу «Мистер Вселенная» (Комсомольская правда в Украине, 17 октября 2003 г.)

Фразу эту я выхватил из газеты почти наугад, но в ней, как в зеркале, отражены беды современной русской речи. Вроде написано по-русски, но русский ли это язык?

Я снимаю шляпу перед «крутизной» журналиста (вот они, издержки демократизации, превратно понятой!), но следует ли так демонстративно злоупотреблять словом *крутой* (в специфическом значении, свойственном просторечию)? Об этом слове-сорняке лингвисты уже писали, да только воз, как видим, и ныне там.

Слово *качок* ну совершенно под стать слову *крутой*! Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что *качок* и должен быть только *крутым*: некрутых качков просто не существует! Образовано же *качок* «культурист», вероятно, от разговорного (профессионального?) *качаться* «развивать мускулатуру» при помощи суффикса *-ок*. Сфера употребления *качка* более узка: это профессионализм, бытующий в речи культуристов. Плохо то, что эта сфера расширяется: слово *качок* все чаще «всплывает» в общенародном языке.

Два других перла в нашей фразе – заимствованные из английского слово *бодибилдинг* (англ. *body-building*) и фразеологическая полукалька *мистер Вселенная* (англ. *mister Universe*).

Есть в русском языке слово *культуризм* «система физических упражнений (преимущественно силовых), имеющая целью развитие мускулатуры человеческого тела, осанки», тоже заимствованное (франц. *culturisme*), но привычное. Зачем же понадобился *бодибилдинг*?

В английском *body-building* образовано от *body* «тело» и *building* «строительство, построение»; *building* – это герундий глагола *to build* «строить». Для английского подобные формы более чем

естественны.

Но то, что хорошо в английском, не всегда хорошо в русском! «Инговые» англицизмы-американизмы мутной волной накатили на современную русскую речь. Возьмите, например, *фандрейзинг*. Это очень, ну очень по-русски!

Хотел бы подчеркнуть, что слову *культуризм* соответствует *культурист* «тот, кто занимается культуризмом». Пары слов вроде *культуризм* – *культурист* с соотносительными греко-латинскими суффиксами *-изм* / *-ист* для русского языка достаточно типичны. Сравните: *идеализм* – *идеалист*, *реализм* – *реалист*, *формализм* – *формалист*, *коллективизм* – *коллективист*, *пессимизм* – *пессимист*, *туризм* – *турист* и др. В этих парах первое слово называет то или иное явление (научное направление, действие, качество, свойство людей), а второе – лиц мужского пола по их профессии, роду занятий, склонностям, убеждениям (Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. – Киев : Радянська школа, 1982. – С. 74, 81). Согласитесь: на этом фоне «пара» *бодибилдинг* – *качок* выглядит явно ущербной!

За Вас, *мистер Вселенная*, я чрезвычайно рад, да только корректно ли называть Вас так по-русски? В английском языке нет грамматического рода, и в нем слова *mister* и *Universe* прекрасно уживаются. В русском же *мистер Вселенная* – гремучая смесь: существительное *мистер* – мужского рода, а *вселенная* – женского. *Вселенная* – это приложение, **согласованное** со словом *мистер* в падеже и числе, но согласования в роде, увы, нет. Правда, оно, как и согласование в числе, формально не является обязательным (сравните: *газета «Известия»*), но по сути, согласитесь, получается явно не то. Сразу вспоминаются популярные ныне сочетания вроде *мисс Очарование*, где с согласованием в роде тоже разлад.

В украинском проще: в нем *всесвіт* – мужского рода, а *чарівність* – женского, так что сочетания *містер Всесвіт* и *міс Чарівність* более удачны, чем их русские эквиваленты.

Английское *universe* можно было бы перевести на русский как *универсум* (и *universe*, и *универсум* восходят к латинскому *universum* «мир, вселенная»), но русское *универсум* имеет ограниченную сферу употребления: это философский термин.

Впрочем, как ни переводы, а все плохо. Сочетания вроде *mister Universe*, *мистер Вселенная*, *містер Всесвіт* неестественны, на каком бы языке они ни употреблялись. Это связано с неестественностью культа формы, **внешнего**, физических параметров при подчиненности или игнорировании **внутреннего**. Чтобы мастерски «построить» свое

body и победить других *крутых качков*, нужно изрядно попотеть, но причем здесь *вселенная*? Я мог бы, например, предложить сочетание *властелин Вселенной* (этот вариант фонетически безупречен, а несоответствие в роде несущественно, поскольку первое слово управляет вторым), но здесь гипербола вырастает уже до более чем фантастических размеров.

Простите меня великодушно, *мистер Вселенная*! Надеюсь, Вас ждут впереди новые победы. Ведь занятия *бодибилдингом* способствуют и **внутреннему** Вашему росту? Пусть они и дальше идут Вам на пользу.

Но отнюдь не на пользу русскому языку то, **как** написал о Вас журналист.

О *правдивый и свободный* язык! За что тебя **так**?!

АПОЛОГЕТИКА АПОФИГЕТИКИ

Если бы это сочетание употреблялось в нормальном (т. е. нормированном) или хотя бы в ненормальном (т. е. ненормированном) русском языке, оно означало бы «защита безразличия» или, может быть, «защита самодостаточности». Но слова *апофигетика* нет ни в нормальном, ни в ненормальном русском языке. Я его только что изобрел (надо бы запатентовать). В полусне (моем) пришел ко мне этот каламбур. А пришел потому, что некоторые представители младшего поколения достаточно активно употребляют слово *пофигист* в значении «безразличный (самодостаточный?) человек».

А слово-то какое удивительное! Возникло оно на базе сочетания *по фиг*, употребляющегося в русской вульгарной речи в значении «безразлично». Вспомним здесь и грубо-просторечные сочетания *на фиг*, и *фиг тебе*, и *фиг с тобой* (*с ним* и т. п.), и *до фига*, и *ни фига*, и *на фига* (Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 2. – С. 338).

Они встречаются в художественных произведениях, отражающих особенности вульгарной речи. Вот характерный диалог из романа Дарьи Донцовой «Квазимодо на шпильках»:

– *На тебе в нос!*

– *Убью на фиг!*

Эти сочетания включают в себя компонент *фиг*, являющийся эвфемизированной заменой известного матизма.

Слово *апофигетика* я образовал редким для русского языка способом – путем контаминации (смешения) моего любимого

компонента *фиг* (в сочетании *по фиг*) с греческим по происхождению словом *апологетика* «предвзятая защита, восхваление чего-либо» (от *apologetikos* «защитительный», ср. *апологет* «тот, кто выступает с апологией кого-, чего-либо, защитник какой-либо идеи, учения и т. п.» и *апология* «устная или письменная защита, восхваление кого-, чего-либо» от *apologia* «защита»). Такое нестандартное словообразование (с нарушением закономерностей построения словообразовательных типов) называется окказиональным (от латинского *occasio* «случайность»). В целом окказиональное словообразование остается прерогативой писателей.

Здесь более чем уместно будет вспомнить *апофегей* Юрия Полякова. Прекрасное слово, вырвавшееся из уст героини повести «Апофегей» Нади Печерниковой! Образовано же оно по аналогии к *апогей*. У Полякова *апофегей* пишется через *е*. А я бы писал через *и* – *апофигей*! Или это было бы уже другое слово?

Писатели – молодцы, но мы, лингвисты, чем хуже? Мы тоже можем и тоже хотим. Вот я и придумал *апофигетику*!

Итак, *апологетика апофигетики*. Так что же я защищаю в этой статье? Вы догадались, читатель?

КОД БЕРНСТАЙНА

Ведь как исхитрился буржуй Бернстайн! На пустом месте создал теорию!

Сподобился Бэзил Бернстайн (дело было полвека назад) отобрать для эксперимента две группы отроков (а они, глупые, согласились: молодо-зелено!).

Первая группа – отпрыски богатых родителей, ученики частных закрытых школ Лондона. Роскошный словарь, обилие сложных предложений разнообразной структуры – удивительно ли? Лексика и семантика разнообразны и дифференцированы; высказывания носят абстрактный, обобщенный характер.

Говоря о языковой компетенции юношей-богачей и о том, как они владеют языком, Бернстайн употребляет термин *развернутый код*. При развернутом коде говорящий имеет возможность выбора из большого круга языковых средств, поэтому степень предсказуемости такого высказывания невелика. Эту группу испытуемых Бернстайн соотносил с высшим и средним классами.

А вот вторая группа – отроки из бедных семей. Образованьице не то! Словарь беден, предложения простые, нередко синтаксически незавершенные. Лексика ограничена, высказывания конкретны. В

этом случае Бернштейн говорит об ограниченном коде. Здесь количество вариантов выбора языковых средств резко сокращается и тем самым повышается степень предсказуемости высказывания. И эту вторую группу Бернштейн соотносил с рабочим классом, а также с сельскохозяйственным населением.

Бернштейн говорит о том, что носитель развернутого кода может быстро перейти в соответствующих обстоятельствах на ограниченный, при обратном же переходе требуется длительное обучение.

Клевета! В нашей стране, когда победила социалистическая революция и носители развернутого кода были в значительной своей части физически уничтожены (либо оказались в эмиграции), носители ограниченного кода в рекордные сроки перешли на развернутый! Правда, их знания ограничивались только своеобразно составленным кратким курсом истории ВКП (б), но это уже детали!

По подсчетам Бернштейна, носителями ограниченного кода оказались 29 % англичан.

Вновь клевета! Клевета на пролетариат и революционное фермерство!

На Соловки буржуя Бернштейна! Махрового прислужника капитала – на Соловки (разумеется, вслед за буржуем Кантом)!

Ведь что получается, а? Класс, под чьим именем совершался Октябрьский переворот, класс, провозглашенный гегемоном революции, – носитель ограниченного кода?!

О полуграмотные стратеги, предводители красных орд! Как там у Маяковского?

Начштаба

морщит лоб.

Пальцы

корявой руки

буквы

непослушные гнут:

Врангель

оп-

роки-

нут

в море.

Пленных нет.

Красная профессура! Это она придумала слово *шкраб* и

словосочетание *дворец пионеров и школьников*! ¹ Она!

Великий Ильич утверждал, что у нас кухарка сможет управлять государством. Она и управляла! Причем о ней говорили: этот «повар» любит «острые блюда». Так сказать, кавказскую кухню. А в результате? Невиданный геноцид, материальная и духовная бедность, языковое невежество, вопиющая речевая безграмотность... Нет, *не скучаем мы за нормальным русским языком!* Ведь мы *ложим*, а не кладем! Целую кучу наложили – так *голимо* мы говорим! Я уже не говорю о том, как мы пишем (точнее, набираем на клавиатуре, ибо писать мы давно разучились)! А как переносим слова – *вау!*

Весело на этом свете, господа!

РУГАЮТСЯ ЛИ ЯПОНЦЫ?

Говорят, у японцев мата нет. Не верю! Не может такого быть, чтобы язык был, а мата не было. Безматовых языков, думаю, не существует (разве что искусственные, например эсперанто, но эсперантисты ругаются на своих родных языках). Это я вам как лингвист говорю. Хоть маленький, но мат должен быть! Тут как в шахматах: раз пат, два пат, а там, глядишь, и мат!

Без ругани в наше время не прожить! Да и что остается простому человеку? Не новому русскому или украинцу, а, так сказать, обычному обывателю? Экология и здоровье минус, зарплата ноль, налоги плюс! Только мат и остается – душу отвести.

Впрочем, новые русские и украинцы тоже ругаются *о-го-го!* В отличие от обычных обывателей, у них с зарплатой и налогами порядок, да вот работенка новых нервная, стрессовая (точнее, они делают ее такой). Но у них, у новых, мат по частотности употребления значительно превосходит обычные слова (такие, например, как местоимение *я* и союз *и*), так что, собственно, это уже не мат, а самая что ни на есть нейтральная лексика, начисто лишенная какой бы то ни было экспрессии. Как тут не вспомнить слова В. Ерофеева, сказанные им в 2001-м году: «Через десять лет мы все поголовно будем говорить

¹ Не всем сейчас известно сложносокращенное слово *шкраб* (возникшее на базе словосочетания *школьный работник*), которое в свое время было призвано заменить более привычное *учитель*. Не сложилось. И не удивительно: язык развивается по собственным законам, а не по произволу отдельно взятых личностей, даже если они носят красные революционные шаровары. А вот судьба словосочетания *дворец пионеров и школьников* оказалась более счастливой, хотя здесь в перечисление вошли видовое и родовое понятия (логическая ошибка): все юные пионеры в СССР были школьниками, но, разумеется, не все школьники были пионерами.

на мате. Просто перестанем его замечать!»! Благодарю тебя, Господи, за отсрочку!

А японцы, друзья наши дальние, обходятся без мата, что ли? Не верю! Хоть и живут, ясное дело, богаче нас, но эмоции-то куда денешь? В обществе эксплуатации человека человеком и капиталисты нервничают, и народ. Да и скученность в Японии – свят, свят! – по три человека на квадратном метре сидят! Есть у них мат, есть! Как поеду в Японию – выучу!

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

БЫК, БУКАШКА И ПЧЕЛА

Удивительно, но эти слова этимологически родственны. *Бык* – слово праславянское. Ср. украинское *бик*, болгарское *бик*, польское, верхнелужицкое и нижнелужицкое *buk*; подобные соответствия есть и в других славянских языках. Большинство этимологов рассматривает *бык* как суффиксальное образование от звукоподражательного *бы-*, отмечая, что животное получило название по мычанию, издаваемому им. М. Фасмер приводит этимологически родственные слова из других индоевропейских языков, в частности литовские *bukti* «мычать», *bukas* «выпь» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1986. – Т. I. – С. 258).

Слово *букашка* – собственно русское. Образовано оно при помощи суффикса *-к(а)* от *букаш* «букашка». Слово *букаш* представляет собой суффиксальное производное от *букъ* «глухой звук, жужжание» (суффикс *-аш*). В свою очередь, *букъ* возникло от звукоподражательной по происхождению основы *бу-* (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М. : Просвещение, 1971. – С. 61).

Слово *пчела* единой этимологии не имеет. По мнению ряда ученых, *пчела* восходит к праславянскому *бъчела* (*бъчела*). Форма *бъчела* / *бъчела* сохранилась в древнерусском языке. В русском языке слабый редуцированный гласный утратился, а звонкий согласный звук *б* перед глухим *ч* оглушился, т. е. перешел в *п* (регрессивная ассимиляция по глухости).

Необходимо отметить, что падение редуцированных сыграло значительную роль в истории фонетической и словообразовательной систем русского языка. Изучаемые в школе процессы оглушения звонких согласных в конце слова и перед глухими согласными (*но[ш]*, *тра[фк]а*), а также озвончения глухих перед звонкими (*ко[з'б]а*) возникли именно после утраты слабых редуцированных, когда согласные оказались в конце слова (*ножь > нож > но[ш]*) и перед другими согласными (*травька > травка > тра[фк]а*). В некоторых случаях это получило отражение на письме: *къде > кде > где*, *сьдесь > сдесь > здесь*, *сьдоровъ > сдоров > здоров*, *стьга* (ср. совр. *стежка*) *> стга > сга > зга* (отсюда *ни зги не видно*), *дъщанъ* (от *дъска*) *> дщан > тщан > чан*. К этой группе слов принадлежит и рассматриваемая лексема *пчела*. Материал такого рода учитель без труда обнаружит в этимологических словарях, в частности в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского,

В. В. Иванова, Т. В. Шанской и «Этимологическом словаре русского языка» Г. П. Цыганенко.

Однако в большинстве случаев подобные изменения не отражаются на письме. Мы подбираем проверочные слова и пишем *нож* (ср. *ножик*), *травка* (ср. *трава*), *косьба* (ср. *косить*) и т. п. (орфограмма «Проверяемые гласные в корне слова»). Это противоречие между написанием и произношением не является исконным: оно возникло после падения редуцированных гласных. При этом на письме сохраняется единое начертание морфем, несмотря на различия в произношении. Так стихийно сложился морфологический принцип русской орфографии, лежащий в ее основе.

А как в украинском? *Бджола!* *Бджола*, как и *пчела*, восходит к праславянскому и древнерусскому *бъчела* / *бъчела*. Только ассимиляция в *бджола* после утраты редуцированного *ь* / *ъ* действовала в другом направлении: она была прогрессивной, т. е. предшествующий согласный влиял на последующий. В результате глухой *ч* после звонкого *б* тоже стал звонким, иначе говоря, перешел в *дж* (в украинском языке аффрикаты *дж* и *ч* составляют коррелятивную пару по звонкости / глухости).

Кроме того, в украинском *е* перешел в *о*. Как известно, в украинском языке переход *е* в *о* осуществился, во-первых, преимущественно в положении после шипящих и *й*, во-вторых, он имел место как в ударных, так и в безударных слогах (*жовтий*, *шовк*, *чоло*, *нашого*, *його* и т. д.).

Ср. укр. *бджілка*: в этом слове осуществился переход *о* > *і* (в новом закрытом слоге, возникшем после утраты слабого редуцированного).

Переход *е* > *о* имел место в русском *пчёлка* (буква *ё* обозначает звук *о*). В русском языке этот переход осуществился приблизительно в XIII – XIV вв. в положении после мягких согласных перед твердыми под ударением, причем изменение *е* > *о* коснулось и исконного *е*, и *е* из *ь*: *вель* > *вёл* [в'ол], *лень* > *лён* [л'он]. Переход *е* в *о* в положении перед твердыми согласными современные языковеды вслед за А. А. Шахматовым объясняют влиянием на *е* этих согласных, которые в древнерусском языке были лабиализованными, т. е. произносились с участием губ. В некоторых случаях *о* на месте *е* под ударением стал произноситься и в конце слова (*всё*, *копё*, *яйцо*), что объясняется влиянием твердого варианта склонения местоимений и существительных (*оно*, *село*). Переход *е* в *о* мог осуществиться только после падения редуцированных: воздействие согласного на

предшествующий гласный осуществлялось в пределах одного слога, что могло иметь место лишь в закрытых слогах, а эти последние возникли в результате падения редуцированных.

Праславянское *бъчела / бѣчела* является суффиксальным производным от того же корня (с перегласовкой), что и слова *бык*, *букашка*.

Этимологически родственными указанным словам являются русское диалектное *бучать* «жужжать, гудеть» и *букать* «хлопать» (Фасмер М. Указ. соч. – С. 258; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Указ. соч. – С. 375).

ВОСВОЯСИ

Это слово является собственно русским: оно возникло в результате сращения в одно слово словосочетания *во своя вьси* «в свои деревни, домой» (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Указ. соч. – С. 93).

В этом сочетании несомненный интерес представляет слово *вьсь* «деревня, село» (совр. *весь*). *Вьсь* – слово праславянское индоевропейского характера. Его первоначальное значение – «дом, жилище». Для сравнения этимологи приводят такие слова других индоевропейских (в том числе славянских) языков, как чешское и словацкое *ves*, верхнелужицкое *wjes*, нижнелужицкое *wjas*, древнепрусское *waispattin*, авестийское *vīs-* «дом», латинское *vīcus* «селение», готское *weihs* «деревня», албанское *vis* «место, местность» и др. (Фасмер М. Указ. соч. – С. 305).

Слово *весь* «селение, деревня» используется и в современном русском языке (словари дают его с пометой *устар.*), главным образом в устойчивом обороте речи *по городам (градам) и весям* (ездить, ходить и т. п.), который употребляется обычно шутливо или в стилизованной речи: *Собственное театральное предприятие – «Русскую антрепризу Михаила Козакова» – актер использует, чтобы заниматься любимым делом – читать по городам и весям хорошую поэзию* (газета «Вести» от 21 сентября 2006 г.).

В слове *восвоявьси* утратился слабый редуцированный гласный *ь*, а группа согласных *вс* упростилась в *с*: *восвоявьси* > *восвоявси* > *восвояси*.

Своя – это древнерусская форма винительного падежа множественного числа притяжательного местоимения *свой*, согласованная в числе и падеже с существительным *вьси*.

ГОРОД И ТЫН

В городе рубят, по деревьям
щепки летят.

С соседом дружись, а тын городи.

Пословицы (из словаря
В. И. Даля)

Слово *город* – исконно русское; оно имеет соответствия в языках славянской группы, а также других групп индоевропейской семьи. Поэтому Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская в «Кратком этимологическом словаре русского языка» квалифицировали слово *город* как «общеславянское индоевропейского характера».

В частности, в старославянском ему соответствует *градъ*. Перед нами типичное соотношение: восточнославянское *-оро-* (полногласное сочетание) – южнославянское *-ра-* (неполногласное сочетание).

Старославянская по происхождению лексема *град* закрепились в русском языке. В настоящее время это архаизм. Однако еще в XIX веке поэты активно употребляли слово *град*. Вот пример: *Прошло сто лет, и юный град, Полночных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво* (А. С. Пушкин).

В современном русском языке *град* функционирует как опорный элемент в названии городов: *Волгоград, Павлоград, Кировоград* и др. (до недавнего времени также *Ленинград, Ворошиловград, Целиноград* и др.).

Этимология слов *город* и *град* прозрачна. Они восходят к общеславянской (праславянской) лексеме **gordъ*. Исторически *город* соотносится с такими словами, как *городить, огораживать, огород* и др. Первоначальное значение этого слова – «ограда, забор»; на его базе развилось значение «огороженное (огражденное) место».

Сходная семантика присуща слову *тын*. Академический «Словарь русского языка» толкует это слово как «частокол или сплошной забор из вертикально поставленных бревен, жердей» (Словарь русского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1988. – Т. IV. – С. 433). Обобщенно, без детализации, дается значение слова *тын* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «забор, частокол» (в последнем словаре указывается: «в старину оборонительное заграждение из врытых в землю заостренных бревен»).

А как толковал слово *тын* В. И. Даль? В его словаре *тын* определяется как «деревянный, сплошной забор, заплот, городьба, частокол, огорожа или рубка»; в диалектах русского языка это

«всякий сплошной (непрясельный) забор», «плетень».

Авторы словаря под редакцией Д. Н. Ушакова и академического «Словаря русского языка» дают слово *тын* без каких-либо указаний на сферу его употребления. А вот в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой это слово дано с пометой *областное* (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 818). Это значит, что авторы ограничивают сферу употребления слова диалектной речью.

Русскому *тын* по фонемному составу и семантике соответствует украинское *тин* (См.: Словник української мови: в 11 т. – К. : Наукова думка, 1979. – Т. X. – С. 114).

Русское *тын* и украинское *тин* имеют соответствия в других славянских языках.

Удивительно, но *тын / тин* и английское *town* «город» – этимологические родственники!

Тын / тин – германизм. По мнению ряда этимологов, праславянское *tynъ* принадлежит к числу древнейших германских заимствований (до II в. н. э.). Исследователи ссылаются, в частности, на древнеисландское *tín* «усадебный двор, сад», англосаксонское и древнесаксонское *tín* «забор». Этимологическая связь этих слов и современного английского *town* несомненна.

ИСКУССТВО

Обескрылел, ослеп и обезголосел, –
Мне искусство больше не по плечу.
Жизнь, открой мне тайны твоих ремесел, –
Быть причастным таинству я не хочу.

Александр Межиров

Слово *искусство* этимологически родственно словам *вкус*, *искус*, *искушение*, *искушать*, *искусный*, *кушать*. Общим в этих словах является корень *-кус-/-куш-*. Однако выделяем мы его только в результате этимологического анализа. В современном русском языке эти слова – разнокорневые. Все они, кроме слова *кушать*, пережили опрощение: корень *-кус-* «склеился» с приставкой *и /* или суффиксом.

Лексема *искусство* – старославянского происхождения. В старославянском языке это слово было образовано от *искусъ* при помощи суффикса *-ьств-* (> *-ств-*) [Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Указ. соч. – С. 178].

Слово *искус*, согласно академическому «Словарю русского языка», в современном русском языке имеет значение «серьезное испытание; длительная и трудная проверка чьих-либо качеств»

(Словарь русского языка : в 4-х т. – М. : Русский язык, 1985. – Т. I. – С. 680). *Искус* произносится с ударением на втором слоге и реже – с ударением на первом слоге. По происхождению это тоже старославянизм. В старославянском языке *искусъ* было образовано при помощи темы *-ъ* от *искусити* «испытать» – суффиксального производного от *кусити* «пытать». М. Фасмер возводил *кусити* к праславянскому языку (**kusiti*) и связывал этот глагол с готским *kausjan*, видя в **kusiti* древнее германское заимствование.

Искусство – многозначное слово. Оно имеет следующие значения: 1. Творческое воспроизведение действительности в художественных образах; творческая художественная деятельность. *Произведение искусства*. 2. Отрасль творческой художественной деятельности. *Изобразительное искусство*. *Сценическое искусство*. *Искусство кино*. 3. Какая-либо отрасль практической деятельности с присущей ей системой приемов и методов. *Военное искусство*. *Певческое искусство*. *Искусство воспитания*.

ПЕРСТ И ПЕРЧАТКА

Когда он читает лекции,
над кафедрой, бритый весь –
он истой интеллигенции
указующий в небо перст.

Андрей Вознесенский

Слово *перст* – праславянское, имеющее соответствия в других славянских языках (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Указ. соч. – С. 335).

В этом слове *e* под ударением перед твердым согласным *p* не перешел в *o*. Однако считать *перст* старославянизмом на этом основании неверно. Произношение *e* в этом слове свидетельствует лишь об особой, книжно-литературной его огласовке (Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М. : Просвещение, 1972. – С. 90–91).

Академический «Словарь русского языка» рассматривает слово *перст* «палец руки» как *традиционно-поэтическое*. В современном русском языке слово *перст* употребляется преимущественно во фразеологических оборотах *один как перст*, *перст судьбы* (*провидения, рока*), *перст указующий*. Слова *перст* и *палец* в значении «палец руки» выступают как синонимы.

От *пърстъ* «палец» в праславянском языке при помощи суффикса *-ън(ь)* образовалось *пърстънь* «надетое на палец кольцо» (современное русское *перстень*).

Интересна история и слова *перчатка*. По происхождению это древнерусское производное с помощью суффикса *-ьк(а)* от *пърчатый* «пальчатый», суффиксального образования к *пърсть* «палец».

А вот слово *наперсток* является собственно русским. Оно образовалось путем суффиксации предложно-падежной формы *на перстѣ* «на пальце».

Если основа слова *наперсток* носителями современного русского языка осознается как производная и членимая (выделяется приставка *на-* и суффикс *-ок-*), то основы слов *перстень* и *перчатка* выступают как непроизводные и нечленимые (Потиха З. А. Школьный словарь строения слов русского языка : пособие для учащихся. – М. : Просвещение, 1987. – С. 139, 184). Таким образом, слова *перст* и *наперсток* являются однокоренными, родственными, а слова *перстень* и *перчатка* с синхронной точки зрения не родственны словам *перст* и *наперсток*.

ТОК

– Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.
Юрий Кузнецов. Атомная
сказка

В русском языке наряду со словосочетанием *электрический ток*, приведенном в эпиграфе, активно употребляется – как синоним – слово *ток* в значении «упорядоченное перемещение электрических зарядов в телах или в вакууме». Разумеется, это не единственное значение слова *ток*. *Ток* имеет, во-первых, значение «течение, перемещение какой-либо жидкости, воздушной струи», во-вторых, значение «текущая, струящаяся жидкость или воздушная струя; поток»; кроме того, при употреблении обычно во множественном числе *токи* (*токи*) обозначает «поток нервной энергии, нервное напряжение, возбуждение» (Словарь русского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1988. – Т. IV. – С. 373).

Слово *ток* – древнее, праславянское. Ему этимологически родственны лексемы *течь*, *протекать*, *поток*, *восток*, *источник* и др.

Лексема *восток* заимствована из старославянского языка, в котором она возникла как словообразовательная калька греческого слова *anatolē*. Она имеет формальный признак старославянизмов – приставку *вос-* (ср. старославянизмы *воздвигнуть*, *восстать*, *воспрепятствовать* и т. п.). Слово *восток* пережило опрощение

основы: в нем приставка слилась с корнем, в результате чего возник новый корень *восток-*. Этот корень стал базой для возникновения прилагательного *восточный*: *восток-* + *-н-* = *восточный* (чередование согласных *к // ч*).

Один из омонимов слова *ток* в указанных значениях – *ток* как «расчищенное место или специально оборудованная площадка для молотбы, очистки и просушки зерна». Интересно отметить, что эти омонимы имеют общее происхождение: *ток* «расчищенное место или специально оборудованная площадка для молотбы, очистки и просушки зерна» возникло еще в праславянском языке лексико-семантическим способом от слова *ток* «поток» (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Указ. соч. – С. 444).

ХОРЬ И ТХІР

Слово *хорь* – праславянского происхождения (**dъхорь*). Форма *дъхорь* сохранилась в древнерусском языке. Этимологически родственными слову *дъхорь* являются слова *дух*, *душа*, *дышать*, *дыхание*, *вдохнуть*, *вдохновение* и др. Исконное значение слова *дъхорь* – «вонючка» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1987. – Т. IV. – С. 270).

Как вы знаете, падение редуцированных гласных, осуществившееся во всех славянских языках, имело ряд важнейших последствий. Одно из них – изменение до неузнаваемости фонетического облика многих слов.

В русском языке после утраты слабого редуцированного *ъ* в *дъхорь* возникла труднопроизносимая группа согласных *дх*. Выход из ситуации был найден в упрощении этой группы: фонема *д* утратилась.

По иному пути пошел украинский язык. В нём после утраты слабых редуцированных *ъ* и *ь* осуществилось три фонетических процесса: 1) *д > т* перед глухим *х* (ассимиляция по глухости); 2) *о > і* в новом закрытом слоге (конечный слабый редуцированный *ь* утратился, образовав закрытый слог; если до падения редуцированных в рассматриваемом слове было три слога, причем все они являлись открытыми: *дъ – хо – рь*, то после утраты слабых редуцированных слово стало односложным); 3) конечный согласный *р*, лишившись «поддержки» редуцированного гласного переднего ряда *ь*, отвердел.

СУМРАК – СУТКИ

Слова, приведенные в названии статьи, имеют в своем составе

приставку *су-*. Но в слове *сумрак* она «живая»: носители современного русского языка воспринимают слова *сумрак* и *мрак* как родственные, однокоренные, выделяя (разумеется, неосознанно) в лексеме *сумрак* приставку *су-* (слово **сѣмракъ** заимствовано из старославянского языка; исконно русское *суморокъ* исчезло). В слове же *сутки* приставка *су-* «мертвая»: мы не воспринимаем слова *сутки* и, например, *тыкать* как родственные; и хотя в плане диахронии (с точки зрения языковой истории) в слове *сутки* мы выделяем приставку *су-* (как результат этимологического анализа), в современном языке, т. е. в плане синхронии, приставка *су-* нами не вычленяется: основу слова *сутки* (*сутк-и*) мы воспринимаем как непроемную и нечленимую, т. е. равную корню; в лексеме *сутки* в результате слияния приставки с корнем произошло опрощение основы: производная, членимая основа стала непроемной, нечленимой. И когда мы, ссылаясь на этимологические словари, говорим, что первоначальное, образное значение слова *сутки* – «столкновение, слияние дня и ночи» (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Указ. соч. – С. 432–433), мы обращаемся к достаточно далекой языковой истории: в современном *сутки* былая образность стерта, а значение иное – «единица измерения времени, равная 24 часам; общая продолжительность дня и ночи».

Слово *сутки* – восточнославянского (древнерусского) происхождения. Оно, по мнению Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской, представляет собой форму множественного числа от *сѣтъкъ* «столкновение», производного от *сѣтъкнѣтисѧ* «столкнуться». Приставка *су-* вместо *сѣ-* в слове *сутки* появилась под влиянием слов с *су-*, имеющих именное происхождение. В таких словах (*сумрак*, *сумерки*, *сугроб*, *супруг* и др.) приставка *су-* исконно, в праславянском языке, имела в своем составе фонему *o* носовое, которая в старославянских памятниках обозначалась буквой **ѡ**; как известно, в древнерусском языке к середине X в., по крайней мере в диалекте поднепровских славян, *o* носовое изменилось в *у*; это изменение стало общевосточнославянской языковой особенностью. Поэтому древнерусскому *супругъ*, русскому *супруг* соответствует старославянское **сѣпрѣгъ**, зафиксированное в Остромировом евангелии 1056 г. Этимологически «родственными» слову *сутки* являются лексемы *ткать*, *ткнуть*, *тыкать*.

Рассмотрим еще ряд слов с приставкой *су-*.

Слово *сумерки* без колебаний объединим с лексемой *сумрак*: поскольку *сумеркам* родственны *меркнуть*, *мерцать* (фонема *ц* возникла из *к*) и другие слова, в лексеме *сумерки* четко выделяется

приставка *су-* (Потиха З. А. Указ. соч. – С. 271). Заметим также, что слова *сумерки* и *сумрак* с этимологической точки зрения являются однокоренными. Приставку *су-*, как указывает З. А. Потиха, фиксируем также в словах *суглинок*, *супесь* и производных.

А вот слова *супруг* и *сугроб* пережили опрощение основы. Этимологические «родственники» лексемы *супруг* (первоначально *супруги* – это «чета, преимущественно пара волов в упряжке») – слова *запрягать*, *упряжь*, *напряжение*, *пряжка* (чередование в корне согласных *г – ж* возникло вследствие 1-й палатализации заднеязычных в праславянском языке; чередование *у – а* [звук *а* после мягкого *р'* на письме обозначается *я*] отражает бывшее чередование носовых гласных *о* и *е*, а это последнее восходит к индоевропейскому чередованию «чистых» *о – е*, которое фиксируется, например, в словах *нести – носить*). Этимологический анализ вскрывает и былую «родственность» слов *сугроб*, *гроб*, *грести* (*гребу*). *Сугроб* – это то, что *нагресли*; слово *гроб* первоначально имело значение «яма, могила», т. е. также соотносилось с глаголом *грести* (*гребу*).

СЛАВЯНСК

Коренные славянцы (и те, кто давно живет в городе или Славянском районе) нередко произносят название нашего города с ударением на первом слоге: *Слáвянск*. В сознании носителей русского языка, говорящих так, топоним *Славянск* ассоциируется со словами *слáва*, *слáвный* (Славянск – «славный город»). А поскольку в словах *слáва*, *слáвный* ударение падает на первый слог, то же сохраняется в наименовании *Слáвянск*.

Можно ли согласиться с такой этимологией слова *Славянск*, мотивирующей постановку ударения в нем на первом слоге? Разумеется, нет. В данном случае перед нами типичный случай так называемой **народной этимологии**. Вот яркий, хотя и с анекдотической окраской, пример народной этимологии: *спинжак* (т. е. пиджак) называется так потому, что носится на *спине*. Научная же этимология слова *пиджак* такова: это слово заимствовано из английского языка (англ. *pea-jacket*); русское *пиджак* – немотивированное слово.

Какова же **научная этимология** слова *Славянск*? Как известно, наш город первоначально назывался *Тором*. В районе современного города на Славянских озерах в XIII в. возникли соляные промыслы. В XVII в. развернулось строительство Торской крепости (первое упоминание о крепости относится к 1645 г.; согласно постановлению

Кабинета Министров Украины № 878 от 26 июля 2001 г., 1645 год признан официальной датой основания Славянска). В 1676 г. сожженная татарами крепость возрождается. Возникший город стал называться *Солеварском*, *Солеванском*. Позже название города видоизменилось в *Славя́нск*. Топоним *Славя́нск* в современном русском языке осознается как образованный от слова *славяне*. Сравним в украинском: наименование *Слов'янськ* осознается как образование от *слов'яни* (см.: Янко М. Т. Топонімічний словник-довідник Української РСР. – Київ : Радянська школа, 1973. – С. 136). Кстати, с украинским топонимом *Слов'янськ* никаких проблем нет: все произносят это слово правильно, с ударением на втором слоге.

В 1976 г. Евгений Нефедов, собственный корреспондент «Комсомольской правды» в Донбассе, написал о Славянске стихотворение, ставшее песней (музыка Ивана Станкова). В стихотворении-песне есть такие строки:

Седая древность в твоём названье
Со славой новой давно слилась.
Ты на московском меридиане
Стоишь по праву, родной Славянск.

Таким образом, поэт соединил научную и народную этимологии. Но обратите внимание на рифму: *слила́сь* – *Славя́нск*! Рифма мужская, ударение в *Славя́нск* падает на второй слог!

АЛТАРЬ

Многие слова, принадлежащие к русской сакральной терминологии (от латинского *sacer, sacri* «священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу, обрядовый»), пришли к нам после принятия Русью христианства (988 г.). К ним относится и слово *алтарь*. Оно латинского происхождения. В латыни *altaria* означает «жертвенник, приспособленный для сжигания жертвы». По мнению этимологов, в языке римлян это слово стало вторично связываться с прилагательным *altus* «высокий» и объясняться как «высокое место, возвышение (выше других частей храма)».

В старославянском языке слово **алтарь** закрепилось в значении «восточная часть церкви с престолом» (в православных храмах алтарь отделен от общего помещения иконостасом). В этом значении, а также в значении «место для жертвоприношений у древних народов, жертвенник» слово употребляется в современных восточнославянских языках (русск. *алтарь*, белорусск. *алтар*, украинск. *вівтар*). Приведем примеры из русского языка:

[Смотритель] поспешно вошел в церковь; священник выходил из **алтаря**... (А. С. Пушкин).

Суеверие их [греков] выразилось... в построении **алтарей** неизвестным богам (Д. И. Писарев).

Здесь можно было бы поставить точку. Однако, как свидетельствует «Словарь современного русского литературного языка» в 20 томах (Т. 1. – М. : Русский язык, 1991. – С. 140), на этом история слова **алтарь** в русском языке не заканчивается. Значение «жертвенник» стало базовым для возникновения переносного значения «место, которое внушает благоговение»:

*Сцена – это храм, это **алтарь**, на который мы кладем все свои лучшие мысли* (А. И. Куприн). *Если я, положим, янычар, не свои ль сжигаем **алтари**?* (А. А. Вознесенский).

Отсюда сочетания **алтарь дружбы, любви, славы и т. п., возлагать (приносить) свои знания, труд, опыт, талант и т. п. на алтарь чего-либо** (т. е. самоотверженно трудиться на благо чего-либо), **возлагать (приносить) жертву на алтарь отечества, свободы, науки, дружбы, любви и т. п.** (т. е. жертвовать чем-либо во имя отечества, свободы и т. п.). Такие сочетания употребляются в торжественной речи:

*Подвиг человека, подвиг народа измеряется масштабом содеянного, мерой жертв и страданий, которые он **приносит на алтарь победы*** (Ф. А. Абрамов).

Со значением «восточная часть церкви с престолом» связано употребление сочетаний *вести кого-либо к алтарю, идти к алтарю, давать обет перед алтарем* (о браке; христианская церковь рассматривает брак как таинство освящения супружеской любви и семейной жизни). Вот один из примеров:

*Он представил себе, как он **ведет** Ольгу к алтарю: она с померанцевой веткой на голове, с длинным покрывалом* (И. А. Гончаров).

ЕЛЕЙ

Слово *елей* в значении «оливковое или другое растительное масло, употребляемое в церкви для помазания» заимствовано русским языком из старославянского. В старославянском языке это слово восходит к греческому *elaion*, образованному от *elaifa* «олива». Христианской церковью елей используется в таинстве елеосвящения (соборования) над больными для их исцеления.

В русском языке у слова *елей* развилось переносное значение

«то, что успокаивает; средство утешения». Его мы находим, напр., у А. С. Пушкина:

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был **елей**.

Ср. контекстуальное антонимичное употребление слов *елей* и *деготь* у В. С. Шефнера:

И время – судия всезрящий, –
Смешав **и деготь, и елей**,
Кладет в один и тот же ящик
Двух враждовавших королей.

От существительного *елей* образовано прилагательное *елейный* в значении «приторно ласковый, чрезмерно угодливый, деланно благочестивый»:

Потом угодливо согнется, растянет губы в елейную улыбочку... (В. К. Кетлинская).

Эта отрицательная оценочность сохраняется и в образованном от *елейный* слове *елейность*:

Сладкая елейность улыбки смешалась с откровенной злобностью (Г. Е. Николаева).

История слова *елей* была бы неполной, если бы мы не указали на его «родственников». Это русское диалектное *oley* (отмеченное В. И. Далем), украинское *оля*. Как указывал М. Фасмер, источником для этих слов послужило польское *olej* «растительное масло», восходящее к латинскому *oleum*, которое, в свою очередь, возникло из уже знакомого нам греческого *elaion*.

АРИТМИЯ

Как известно, русские слова, начинающиеся на букву **а**, являются заимствованными (исключения составляют междометия *ай*, *ах* и др.). В частности, в ряде слов имеется приставка *а-* (перед гласными *ан-*), которая выражает отрицание или отсутствие какого-либо качества, свойства. Эта приставка – греческого происхождения (греч. *а-*, *ан-*).

К таким словам относятся названия некоторых заболеваний. Так, термином *анемия* обозначается группа заболеваний, характеризующихся уменьшением количества эритроцитов, содержания в них гемоглобина или общей массы крови. Исконно русский эквивалент термина *анемия* – *малокровие* (*анемия* в

буквальном переводе с греческого означает «бескровие»). При образовании слова *анемия* использованы греч. *haima* «кровь» и приставка *an-* (в русском слове *анемия* она не выделяется). Сюда же относятся *астения*, *атрофия*, *аритмия*, *анурия*, *атония*, *аносмия* и др.

Приставке *a-* (*ан-*) близка приставка *дис-* (*дис-*), имеющая греческое или латинское происхождение (греч. *dys-*, лат. *dis-*).

Эта приставка также фиксируется в названиях ряда болезней, означая в соответствующих наименованиях расстройство, затруднение функции того или иного органа. Так, термин *дизентерия* обозначает острое инфекционное заболевание, характеризующееся тяжелым общим отравлением, язвенным поражением толстых кишок и нарушениями нервной системы. Источник этого слова – греч. *dysenteria* (от греч. *enteron* «кишка»). В русском *дизентерия* приставка *дис-* не выделяется. В эту группу можно включить слова *дистрофия*, *дистимия*, *дискинезия*, *дисбактериоз* и др.

Нетрудно заметить, что в большинстве приведенных слов современного русского языка приставки *a-* (*ан-*) и *дис-* (*дис-*) не выделяются. Они могут быть вычленены только в результате этимологического анализа.

Однако, например, в слове *аритмия* «нарушение нормального ритма сердцебиения» (греч. *arrhythmia*) приставка *a-* есть. Это связано с тем, что в русском языке закрепились такие однокоренные слова, как *ритм*, *ритмика*, *ритмизация*, *ритмопластика*, *ритмический*, *ритмичный*, *ритмизировать* и др.

ВРАТАРЬ, ГОЛКИПЕР И КИПЕР

В современном русском литературном языке активно функционируют спортивные термины-синонимы *вратарь*, *голкипер* и *кипер*, имеющие значение «участник ряда командных спортивных игр (футбол, хоккей, гандбол, ватерполо и др.), задачей которого является защита своих ворот от попадания в них мяча или шайбы».

Слово *вратарь* – старославянского происхождения; оно имеет фонетический признак старославянизмов – неполногласное сочетание *-ра-*, которому соответствует исконно русское полногласное сочетание *-оро-*, ср. *врата* и *ворота*; в современном украинском языке употребляется слово *воротар*.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова дает следующие значения слова *вратарь*: 1. Привратник (книжн. ритор. устар.). 2. То же, что голкипер (спорт.) [Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. –

М. : Сов. энциклопедия, 1935. – Т. 1. – С. 394]. Аналогично представлена семантическая структура этого слова в академическом «Словаре русского языка» (Словарь русского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1985. – Т. I. – С. 225). А вот «Словарь современного русского литературного языка» дает 1-е и 2-е значения слова *вратарь* в обратном порядке: 1. В некоторых спортивных играх (футболе, хоккее и т. п.) – тот, кто защищает ворота команды; голкипер. 2. *Устар.* Привратник (Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. – М. : Русский язык, 1991. – Т. II. – С. 545). Такая «рокировка» в словарной статье мне представляется правомерной: ведь словарь дает *современное* толкование слова.

Как отмечает Г. П. Цыганенко, первоначальное значение слова *вратарь* – «привратник». В русском языке XX в. слово было переосмыслено, получив отмеченное выше значение «тот, кто защищает ворота команды; голкипер» (Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – К. : Радянська школа, 1970. – С. 85).

От существительного *вратарь* образовано прилагательное *вратарский*.

Голкипер – заимствование из английского языка. В английском слово *goalkeeper* образовано от *goal* «ворота» и *keeper*. Слово *keeper* представляет собой наименование лица от глагола *to keep* «держать». Одно из значений существительного *keeper*, отмечаемое некоторыми современными словарями, – «вратарь». *Keeper* – это разговорное слово, используемое в британском варианте английского языка как синоним лексемы *goalkeeper*. Слово *кипер* «вратарь» заимствовано русским языком. В нем оно, по-видимому, сохраняет разговорную окраску. Слово *кипер* достаточно активно употребляется в спортивной прессе наших дней. Приведу пример: *Вот тут и сказался более высокий класс донбассовцев: Хурсов вывел на свидание с кипером Кузьмина...* (газета «Спорт арена», 19 сентября 2006 г.).

В интервью журналиста Дмитрия Шаповала с вратарем киевской футбольной команды «Динамо» Тарасом Луценко употреблены все три синонима: *вратарь*, *голкипер* и *кипер*: 1. *Детальный разбор еще предстоит. С тренером вратарей Михаилом Михайловым обсудили мои действия, сделав акцент на пропущенном мяче.* 2. *Здесь голкиперу куда сложнее, нежели полевому игроку, огрехи которого могут исправить партнеры.* 3. *Раньше в «Динамо» был период, когда поочередно стояли Шовковский и Рева. Такая здоровая конкуренция стимулировала рост обоих киперов* (газета «Команда», 12 октября 2006 г.).

ТАЙМ. ТАЙМ-АУТ

Слово *тайм* представляет собой спортивный термин. Его значение – «часть спортивной игры с мячом, устанавливаемая по времени (в футболе, баскетболе и т. п.)» (Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2003. – С. 1302). В частности, говорят *о первом, втором, дополнительном тайме*. Это слово часто употребляется в спортивной прессе. Вот пример: *Вынужденная большую часть времени обороняться, команда Суоми безукоризненно реализовала чуть ли не единственный момент во втором тайме* (газета «Команда», 9 февраля 2007 г.). Слово заимствовано из английского языка (англ. *time* «время»), как и многие другие спортивные термины, например *футбол, баскетбол, хоккей, голкипер, офсайд*, да и само слово *спорт*.

Тайм-аут также является спортивным термином. Его значение – «перерыв в спортивной игре, матче (для отдыха игроков, по требованию тренера и т. п.)» (Большой толковый словарь русского языка. – С. 1302). Заимствовано оно из английского языка (англ. *time-out*).

В английском языке слово *time-out* возникло путем сложения слов *time* «время» и *out* «вне». Такое «механическое склеивание» слов, без использования соединительных гласных (ср. рус. *пароход, земляшец*), является характерной чертой английского словообразования (ср. *body-building* из *body + building*). В этом, в частности, проявляется аналитизм английского языка.

Приведу пример употребления термина *тайм-аут* в спортивной прессе: *Когда до перерыва оставалось всего 6 секунд, гости получили право на угловой. Олег Солодовник тут же взял тайм-аут, после которого розыгрыш углового длился всего одну секунду* (газета «Спорт арена», 19 сентября 2006 г.).

Однако *тайм-аут* используется не только как спортивный термин. Слово имеет еще одно значение – «перерыв, временное прекращение работы, деятельности, занятия». Говорят *о тайм-ауте в чьей-либо политической карьере, в политической борьбе, о творческом тайм-ауте* и т. п.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА ГРАММАТИКА

... а грамматика нашего языка,
которая обуславливает
огромную внутреннюю
работу?
Вячеслав Пьецух. Центрально-
Ермолаевская война.

Скажем честно: научиться писать правильно слово *грамматика* (с двумя м) гораздо легче, чем выучить грамматику того или иного языка. Особенно в том случае, если этот язык неродной.

То, что без каких бы то ни было усилий дается дитяти, для коего русский язык родной, с большим трудом усваивается (если усваивается) «негром преклонных годов» и вообще любым взрослым человеком, для которого русский является иностранным.

Ох, и мучатся иностранцы с русским языком! Как запомнить, что *стол* – существительное мужского рода, а *парта* – женского, что слово *стол* имеет в родительном падеже единственного числа окончание *-а* (*стола*), а *парта* – *-ы* (*парты*)? Почему *берегу* (корень *берег-*, заканчивается согласным *г*), но *бережёшь* (тот же корень заканчивается на *ж*) и *беречь* (в инфинитиве вообще непонятно, где корень, а где окончание; «слиплось» всё; фузия, однако!)? Кто придумал два спряжения глагола (гулким эхом отдающиеся в причастиях: *тающий*, но *видящий*; *колеблемый*, но *слышимый*) и три склонения существительных (присовокупив к оному десять монстров на *-мя* и аномальное слово *путь*; хорошо хоть, что *дитя* теперь почти никто не склоняет; да и как склонять – надорвешься!)?

Представляю, как страждут китайцы, или, скажем, англичане, корпя над русской грамматикой!

Впрочем, и нам английский не легче. Это надо же: временных форм столько, что собьешься со счета! Уж лучше бы, как у нормальных людей повелось, разграничивали мужской, женский и средний род! Обхохочешься: у англичан-то рода нет вообще! *Cat* – у них и «кот», и «кошка». А чтобы разграничить, личные местоимения приклеивают: *he cat* – это «он кот», *she cat* – «она кот». Абсурд!

Нет, лучше русского языка всё же нет на свете! То-то раздолье! Настоящее время глагола – изменяй по лицам и числам! Прошедшее – по числам и родам! Лепота!

ПОКОЙНИК И МЕРТВЕЦ

Как известно, слова *покойник* и *мертвец* в современном русском литературном языке являются одушевленными существительными. Этот факт устанавливается морфологически: у названных существительных форма винительного падежа совпадает с формой родительного (как в единственном, так и во множественном числе). Ср.: *В морг доставили покойника (мертвеца) / покойников (мертвецов)* [винительный падеж]. – *В доме уже нет покойника (мертвеца) / покойников (мертвецов)* [родительный падеж].

Как видим, слова *покойник* и *мертвец* в плане одушевленности – неодушевленности ведут себя как одушевленные существительные. В данном случае понятие живого / неживого вступает в конфликт с категорией одушевленности / неодушевленности.

Для сравнения с нашими *покойником* и *мертвецом* возьмем какое-либо одушевленное существительное, обозначающее живое существо (такое слово можно назвать «типичным» одушевленным существительным): *Мы пригласили мастера / мастеров* (винительный падеж). – *Мастера / мастеров сегодня нет на работе* (родительный падеж). Комментарии, как говорится, излишни.

Теперь возьмем какое-нибудь «типичное» неодушевленное существительное, например *стол*, и поставим его в винительном падеже: *В комнату внесли стол / столы*. Как видим, у неодушевленных существительных форма винительного падежа совпадает с формой именительного.

Указанная закономерность для существительных типа *мастер*, *стол* (мужского рода, 2-го склонения) «работает», как мы видели, и в единственном, и во множественном числе. Для остальных существительных – только во множественном. Вот пример: *Я встретил сестру / сестер*. – *У меня нет сестры / сестер* (существительное *сестра* в винительном падеже единственного числа имеет «уникальную» флексию –у, не совпадающую с какой-либо иной флексией в пределах парадигмы данного слова; форма же винительного падежа множественного числа совпадает с формой родительного). Ср.: *Я посетил эту страну / страны* (форма винительного падежа множественного числа совпадает с формой именительного).

Указанные особенности слов *покойник* и *мертвец* объясняются внеязыковыми факторами. Для наших далеких предков покойники и мертвецы не исчезали бесследно с лица земли, а переходили, так сказать, в иную форму существования. Вспомним русские народные сказки, в которых покойники и мертвецы являются не менее

активными деятелями, чем их живые соплеменники.

Итак, полного соответствия между категорией одушевленности / неодушевленности и понятием живого и неживого нет. Кроме слов *покойник* и *мертвец*, к одушевленным существительным относятся названия шахматных фигур (*взять ферзя, защитить короля*), игральных карт (*приберечь туза, отдать валета*), кукол (*показывать петрушек, марионеток*), бильярдных шаров (*положить шара в угол*), заглавия художественных произведений, названных по имени героев (*читать «Обломова», «Рудина»*), названия некоторых блюд (*съесть тушеного гуся, жареного окуня*). К неодушевленным существительным относятся термины *образ, тип, характер* (*показать в поэме образ, тип, характер*), собирательные существительные (*крестьянство, генералитет*) и близкие им по значению конкретные существительные типа *народ, полк, стадо* (*знать народ, сформировать полк, пасти стадо*).

Подобные сведения о русских словах интересны и поучительны.

БОЛЕЕ ЧЕТЫРЕХ ЧЕЛОВЕК?!

Можно и не быть поэтом, но нельзя терпеть, пойми, как кричит полоска света, прищемленная дверьми! – писал Андрей Вознесенский.

Можно и не быть математиком, но нельзя не понимать, что ни *более четырех человек*, ни *около четырех человек* не может быть, потому что этого не может быть никогда! Боже, до чего же математически неправильно мы иногда говорим! *Около четырех человек* – это сколько? Три с половиной? А *более четырех человек* – это четыре с половиной?!

Вы считаете, что я выдумываю? Тогда откройте газету «Команда» от 16 июня 2009 года на 6-й странице. В статье «Небо в алмазах» журналист Василий Михайлов пишет: «По словам первого вице-президента клуба Олега Мукомела, в команде всего будет около семи-восьми новичков». Не знаю, так выразился именно Мукомел или же это «изыски» журналиста, но в любом случае Михайлов не должен был печатать этот «ляп». Скажите, какое слово здесь лишнее? Правильно, *около*!

Следует помнить: в основе счета у нас лежит число 10. Поэтому лингвисты относят русский язык к десятичным (этот термин связан по происхождению с латинск. *decimus* «десятый», ср. *дециметр, децибел*). Округляем до десятков, сотен, тысяч, миллионов!

Понятно, что на слова, выражающие меру, это не

распространяется: *около четырех ведер песка, более трех килограммов сахара, меньше двух литров воды.*

При обозначении приблизительного количества в русском языке используются: 1) вспомогательные слова – предлоги *около, до, с*, количественные наречия *более, менее, больше, меньше, свыше*, наречия *приблизительно, примерно*, имеющие значение «не вполне точно». При этом наряду с количественными числительными могут использоваться счетные существительные. Вот примеры: ***Около двух тысяч дворян-рыцарей заплатили головами за жестокость свою*** (А. А. Бестужев-Марлинский). ***Отказались выйти на работу около двенадцати тысяч рабочих*** (Из газет); ***до ста квартир, до полусотни бойцов; С полсотни людей, главным образом офицеров, толпились невдалеке*** (П. Павленко), ***с десяток гвоздей; более полумиллиона солдат; больше двадцати ножей; меньше тысячи болельщиков; свыше полутора тысяч студентов; приблизительно пятьсот участников; примерно двести страниц***); 2) постпозиция числительного: ***Человек двадцать*** гурьбой провожали Акима и Федора до автодрезины (Н. Островский; ср. при прямом порядке слов: *двадцать человек*). ***Подскакало еще человек двадцать*** ***стольников и офицеров*** (А. Н. Толстой). ***Человек полтора*** ***солдат*** ***высыпало из лесу и с криком устремились на вал*** (А. С. Пушкин). ***Тут толпилось шумно десятка два*** ***грузин и горцев*** (М. Ю. Лермонтов; ср. при прямом порядке слов: *два десятка грузин и горцев*).

Несколько особняком стоят случаи типа ***пять-шесть*** ***книг, двадцать-тридцать*** ***человек, триста-четыре*** ***страниц, пять-шесть*** ***сотен*** ***студентов, две-три*** ***тысячи*** ***избирателей***, в которых выражается значение скорее не приблизительного, а неопределенного количества. Оно передается сочетанием двух числительных или счетных существительных. Здесь округление до десяти не обязательно (***шесть-семь*** ***яблок***), а в случаях «оперирования» десятками, сотнями, тысячами и т. д. неопределенность понимается очень широко (ср. ***около трехсот*** ***саженцев – двести-триста*** ***саженцев***).

Давайте дружить с математикой и логикой!

ДВЕНАДЦАТЬ, ДВАДЦАТЬ, ДВЕСТИ

Эти числительные возникли на базе словосочетаний – путем сращения сочетаний слов в одно слово.

В древнерусском языке для обозначения количества от 11 до 19 употреблялось такое сочетание: *одинь, два (дѣв□)*, три и т. д. +

предлог *на* + *десяте* (местный падеж от *десять*). *Одинъ на десяте, дъвѣ на десяте, три на десяте* и т. д. – это один, два, три и т. д. сверх десяти. Изменению этих сочетаний в одно слово способствовал ряд фонетических процессов. Первоначально в сочетании типа *одинъ на десяте* ударение падало на оба слова со счетным значением. Однако со временем ударение – при слитном произношении – стало сохраняться лишь на первой части сочетания: *одѣнь на десяте, дъвѣ на́ десяте, три на́ десяте* и т. д. В результате элемент *десяте* существенно изменился: первый и второй гласные звуки редуцировались до нуля, сочетание [дс] изменилось в [тс], а это последнее дало [ц:].

В современном русском языке числительные *одиннадцать* – *девятнадцать* не являются сложными. Эти числительные следует рассматривать как простые. В их составе наряду с корнем выделяется суффикс *-надцать*.

Числительные *двадцать* и *тридцать* восходят к древнерусским сочетаниям *дъва* + *десяти* (именительный падеж двойственного числа от *десять*) и *три* + *десяте* (именительный падеж множественного числа от *десять*). В этих сочетаниях *дъва* и *три* выступали как прилагательные, согласованные в числе и падеже с *десять* как существительным. В истории русского языка слова *двадцать* и *тридцать* пережили те же фонетические процессы, что и числительные от *одиннадцати* до *девятнадцати*.

Это привело к изменению морфемного строения *двадцать* и *тридцать*. Мы квалифицируем их как простые числительные с суффиксом *-дцать*.

А вот числительные от 50 до 80 в современном русском языке являются сложными. Этимологически это сочетания типа *пять* + *десять* (родительный падеж множественного числа от *десять*).

В результате сращения возникли слова со своеобразным морфемным строением, включающим две флексии! В самом деле, в *пятьдесят* склоняются обе части, следовательно, в родительном падеже выделяем две флексии –*и* (пят-и-десят-и), в именительном – две нулевых флексии. *Флексию* (< лат. *flexio* «сгибание», «изгиб») в русской традиции принято называть *окончанием*, но здесь термин *окончание* не соответствует своей внутренней форме и, так сказать, обиходному представлению о том, что окончание обязательно оканчивает слово!

Современные сложные числительные от 200 до 900 по происхождению представляют собой сочетания *дъвѣ* + *сътѣ* (именительный падеж двойственного числа от *съто*), *три* + *съта*

(именительный падеж множественного числа от *съто*), *пять* + *сътъ* (родительный падеж множественного числа от *сътъ*) и т. д.

Здесь два слова, входящие в словосочетание со счетным значением, также «срастились»: *дѣв□ сът□* > *двести* (наряду с утратой слабого редуцированного ъ здесь безударный □ изменился в *и*, а ударный □ – в *е*), *пять сътъ* > *пятьсот* и т. д.

В числительных *двести* – *девятьсот*, как и в *пятьдесят* – *восемьдесят*, склоняются обе части, и, следовательно, в них необходимо выделять две флексии.

В частности, в творительном падеже выступают как нормативные формы типа *пять-ю-десять-ю*, *пять-ю-ст-ами*. По мнению специалистов, в современной русской разговорной речи допустимы формы *пятидесятью*, *пятистами* и т. д., но для письменной речи такое употребление ошибочно (Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 577 – 578). Ненормативны сочетания типа *более четыреста танков* (правильно: *более четырехсот танков*), *в шестьсот километрах* (правильно: *в шестистах километрах*). К сожалению, подобные ошибки встречаются не только в устной, но и в письменной речи.

ПЯТЬ, ПЯТЕРКА И ПЯТОК

Согласно словарям (воспользуемся данными академического «Словаря русского языка» в 4-х томах), эти слова имеют разные значения.

Пять – количественное числительное; основное значение этого слова – «число 5». Кроме того, *пять* – это «самая высокая оценка успеваемости в пятибалльной системе, означающая: отлично» (Словарь русского языка : в 4 т. – М.: Русский язык, 1987. – Т. III. – С. 572, 574).

Пятерка – счетное существительное. Его основное значение – «цифра 5». В разговорной речи *пятеркой* называют также «различные виды транспорта, нумеруемые цифрой 5», и «группу из пяти единиц». Но это еще и «самая высокая оценка успеваемости в пятибалльной системе, означающая: отлично» (это значение, как мы видели, есть и у слова *пять*), и «игральная карта с пятью очками», и (в разговорной речи) «денежный знак или сумма в пять рублей» (Там же. – С. 572).

Счетным существительным является и слово *пяток*, которое словарь дает с пометой *разговорное*. Его значение – «пять одинаковых предметов» (Там же. – С. 574).

Подобные различия имеются между словами *один* и *единица*,

два, двойка и пара (это слово, как указывают этимологи, заимствовано через посредство польского языка из немецкого, в котором *Paar* восходит к латинскому *par* «равный»), *три* и *тройка*, *четыре* и *четверка*, *шесть* и *шестерка*, *семь* и *семерка*, *восемь* и *восьмерка*, *девять* и *девятка*, *десять*, *десятка* и *десяток*, *двенадцать* и *дюжина* (от французского *douzaine*, которое восходит к латинскому *duodecim* «двенадцать») и др.

Как видим, в семантической структуре счетных существительных – многозначных слов – ярко представлены «предметные» значения, которые реализуются в изолированном употреблении (*Вот мчится тройка*). В связи с этим будет уместно заметить, что количественные числительные, употребляясь без существительных, обозначают абстрактные числа. В отличие от количественных числительных, счетные существительные не входят в счетную систему, не могут быть переданы графически, цифрами.

В этом плане очень показательное существительное *тройка*. *Тройка* – название количества, совмещающее это значение с названиями предметов: 1) цифры три (в разговорной речи *тройкой* называют также «различные виды транспорта, нумеруемые цифрой 3», и «группу из трех единиц»), 2) оценки успеваемости в пятибалльной системе, означающей: удовлетворительно, 3) игральной карты с тремя очками, 4) трех лошадей, запряженных рядом в один экипаж, 5) группы из трех человек или трех предметов (в разговорной речи), 6) костюма, состоящего из пиджака (или жакета), брюк (или юбки) и жилета (или второй маленькой кофточки) (См.: Словарь русского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1987. – Т. IV. – С. 414). Обозначение количества в слове *тройка* лишено отвлеченного характера; *тройка* имеет предметное значение в качестве основного.

В отличие от счетных существительных, количественные числительные, как мы с вами видели, с семантической стороны являются названиями отвлеченных чисел, не осложненными какими-либо иными значениями.

Очень существенны грамматические различия. Проиллюстрируем их на примере числительного *сто* и счетного существительного *сотня*. Они различаются морфологически: *сто* имеет только категорию падежа, а *сотня* – рода, числа и падежа. Принципиальный характер носит синтаксическое отличие: в именительном и в совпадающем с ним винительном падеже числительное *сто* управляет существительными в форме родительного падежа, а в остальных падежах это числительное согласуется с существительными; существительное *сотня* во всех

падежах управляет существительными в форме родительного падежа. Сравним: *сто метров, сотня метров; ста метров, сотни метров; ста метрам, сотне метров; сто метров, сотню метров; ста метрами, сотней метров; о ста метрах, о сотне метров*. В результате возникает синонимия: *в ста метрах* (согласование) – *в сотне метров* (управление). Аналогично различаются между собой слова *один* и *единица*, *два*, *двойка* и *пара*, *три* и *тройка* и др.

Русский язык богат – только не ленись выбирать!

Несклоняемые существительные *полдюжины* и *полсотни* управляют существительными в форме родительного падежа: *полдюжины бутылок, полсотни бойцов*.

От количественных числительных образуются так называемые «порядковые», напр. *третий, четвертый, пятый*. А вот прилагательные *парный, двоичный, сотенный* и др., образованные от счетных существительных, не обладает «порядковым» значением.

У счетных существительных есть ограничения на сочетаемость с зависимыми существительными (мы говорим *пара лошадей, сапог, туфель, ботинок* и др., но нельзя сказать *пара волос, носов* и др.; мы говорим *десяток яиц, книг*, но нельзя сказать *десяток зданий, дворцов* и др.; мы говорим *дюжина ножей, вилок, ложек, платков*, но нельзя сказать *дюжина килограммов, кинотеатров*).

Сочетания типа *пять яиц – пяток яиц* различаются и стилистически: первое стилистически нейтрально, а второе допустимо лишь в разговорной речи. И в целом счетные существительные характерны для разговорной речи. А вот в паре *два яблока – пара яблок* второе сочетание, по мнению ряда авторов, является просторечным. Здесь слово *пара* имеет значение «две штуки чего-нибудь». Просторечным, как считают некоторые лингвисты, слово *пара* является и в значении «небольшое количество чего-нибудь, несколько» (*на пару слов*), а также в значении «оценка успеваемости» (*схватить пару по физике*).

ИХНИЙ? ИХ!

Роман Александра Проханова «Ангел пролетел» (Москва, 1994) дает интересный материал для русистов и любителей русского языка. У Проханова настоящий русский язык – сочный, колоритный.

Воспроизводя в своем романе ненормированную речь, Проханов употребляет местоимение *ихний* в значении «принадлежащий им, относящийся к ним»: – *Мне ихний техник проболтался. У вас, говорит, такое заражение, что вам надо*

работы закрыть!

Слово *ихний* нам приходится слышать довольно часто. Оно просторечное. На это указывают словари, в частности «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М.: Азбуковник, 2001. – С. 257). Что значит просторечное? Это значит, что местоимение *ихний* не следует употреблять даже в ситуациях обиходно-бытового общения.

В нормированном, литературном языке для обозначения принадлежности третьим лицам употребляется местоимение *их*. В грамматиках оно рассматривается среди притяжательных. Назовем все местоимения, входящие в разряд притяжательных: *мой, наш* (указывают на принадлежность первому лицу), *твой, ваш* (второму лицу), *его, ее, их* (третьему лицу), *свой* (всем трем лицам).

Слова *его, ее, их* – это, собственно, личные местоимения *он (оно), она, они* в родительном падеже, выступающие в значении притяжательных. Сравните: *Я встретил их* (личное местоимение *они* в винительном падеже). – *Это их книги* (личное местоимение *они* в родительном падеже в значении притяжательного).

От местоимений *мой, наш, твой, ваш, свой* слова *его, ее, их* отличаются тем, что не согласуются с определяемыми существительными в падеже, числе и роде, а управляются ими. Сравним: *мой дом, мое письмо, моя книга, мои друзья, моих рук* (согласование) – *его душа, ее заботы, их вещи* (управление). Приведем пример из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина: *За грудами кровавых тел Бойцы сомкнули томны очи, И крепок был их бранный сон...*

Местоимение же *ихний* согласуется с определяемыми существительными (*ихний ящик, ихнее окно, ихняя кухня, ихние занавески*) по образцу слов *мой, наш* и др. Получается, что самим своим возникновением *ихний* обязано аналогии. В этом проявилась системность языка, вошедшая в конфликт с языковой нормой. Образовано же *ихний* от *их* при помощи суффикса *-н-*.

В художественной литературе употребление слова *ихний* является оправданным только в речи персонажа, говорящего на городском просторечии или на диалекте (*ихний* представлено и в русских говорах). Именно в таких контекстах используется местоимение *ихний* в русской классике: – *Лошадь точно ихняя-с; только продавать они ее не продавали* (И. С. Тургенев. Степной король Лир). – *А вам, Настасья Евграфовна, не следовало бы ссорить маменьку-с с ихним сыном-с* (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково). Так употребляет слово *ихний* и современный писатель

А. А. Проханов, о чем свидетельствует приведенный выше пример.

Все, что сказано здесь об *ихний* (в говорах зафиксировано и *ихной*, *ихой*), в полной мере относится к просторечному и диалектному *ейный* и к диалектным *евонный*, *егов* (*еговный*, *еговый*).

В украинском литературном языке для указания на принадлежность третьему лицу используются *їхній* и *їх*: *Вона нагадала йому всі їхні дитячі забави* (М. М. Коцюбинский). *Темні коні пасуться. Ось їх слід у росі* (А. П. Довженко). Несомненно, активность слова *ихний* в устной русской речи на Украине поддерживается влиянием украинского языка.

Учащиеся должны говорить: *их* сад, *их* волнение, *их* смелость, *их* журналы. И только так!

ГИМН ИНФИНИТИВУ

Формы глагола отличаются большим многообразием и разделяются на спрягаемые и неспрягаемые.

К спрягаемым формам глагола относятся формы изъявительного, условного и повелительного наклонений с характерными для них значениями лица и времени, например *читаю*, *буду читать*, *читал*, *читал бы*, *читай*.

Неспрягаемыми формами являются инфинитив, причастие и деепричастие, например *читать*, *читающий*, *читаемый*, *читавший*, *читанный*, *читая*.

Термин *инфинитив* заимствован из западноевропейских языков; немецкое *Infinitiv*, французское *infinitif*, английское *infinitive* восходят к позднелатынскому *infinitivus* (*modus*) «неопределенное (наклонение)». Латинское *infinitivus* связано с *infinitus* «незаконченный, неограниченный», которое образовано от отрицательной частицы *in-* «не-» и причастия *finitus* от глагола *finio* «ограничиваю, определяю», производного от *finis* «граница».

В школьной практике инфинитив называют *неопределенной формой глагола* – более громоздко, менее удобно, но не менее точно.

Инфинитив является начальной формой глагола, например *писать*, *расти*, *привлечь*. Инфинитив дает наиболее общее название действия или состояния, он не обозначает ни наклонения, ни лица, ни времени, не имеет он также значения рода и числа; другие признаки глагола (вид, переходность – непереходность и связанная с нею возвратность – невозвратность, залог, управление существительными и местоимениями, сочетаемость с наречиями) у инфинитива есть. Так, глагол *писать* – это глагол несовершенного вида, переходный

(*писать сочинение*), невозвратный, действительного залога, может управлять существительными и местоимениями (*писать рассказ о нем*) и сочетаться с наречиями (*писать быстро*).

Первое, на что нельзя не обратить внимания, – это морфологическая «бедность» русского инфинитива. Из восьми морфологических категорий, присущих глаголу в совокупности его форм, инфинитив имеет только три!

Вторая замечательная особенность инфинитива – это его синтаксическая универсальность. Он только приложением не может быть! (Приложения, как мы помним, выражаются лишь именами существительными.) Инфинитив прекрасно справляется с ролью подлежащего: *Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун – большой праздник для крестьянских мальчиков* (И. Тургенев); простого глагольного сказуемого: *Видишь, подождли город, а сами бежать!* (Д. Мамин-Сибиряк); составного глагольного сказуемого: *Ночь уже ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям* (М. Лермонтов); дополнения: *Я любил взбираться на эту старую липу, сидеть в тени зеленого шатра, читать книжки и мечтать о далеких путешествиях* (И. Соколов-Микитов); определения: *Через час явилась возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились* (М. Лермонтов); обстоятельства цели: *В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле...* (И. Тургенев).

Привычна для инфинитива и функция главного члена односоставного инфинитивного предложения (в школьной практике такие предложения относят к безличным): *Тебе начинать*. В этой функции инфинитив с успехом заменяет формы условного и повелительного наклонений: *Быть бы нашим странникам под родною крышею, Если б знать могли они, что творилось с Гришей* (Н. Некрасов). «*В объезд! Пехоту подождать!*» – кричал он, в то время как Петя подъехал к нему (Л. Толстой; в подобных случаях побуждение к действию выражается резко, категорично).

Кроме того, инфинитив может входить в состав главного члена безличного предложения. В этом случае инфинитив примыкает к безличному глаголу, личному глаголу в безличном употреблении или слову категории состояния: *Следует купить. Не стоит волноваться. Надо брать*.

А не связана ли синтаксическая универсальность инфинитива с его морфологической «бедностью»? Не способствует ли эта «бедность» синтаксической «всеядности» инфинитива, его готовности быть практически любым членом предложения?

Как здесь не сравнить с инфинитивом спрягаемые формы глагола (формы трех наклонений)? Ведь они самой своей способностью выражать наклонение, время, лицо, число и род буквально «обречены» быть только сказуемым (и главным членом односоставного предложения): *Снег шёл и бил в стекла* (сказуемые *шёл* и *бил*). – *На дворе мело* (главный член безличного предложения *мело*).

Что-то еще? Разве что случаи типа *Твое «подожди» мне надоело*, которые, конечно же, не следует принимать в расчет (ср.: *Твои ах да ох выводят меня из себя*, где междометия *ах*, *ох*, как и глагол *подожди* в предыдущем примере, выступают в функции подлежащего).

Интересен инфинитив и по своему морфемному составу. Аффиксы *-ть*, *-ти* (*строить*, *строиться*, *нести*, *нестишь*) обычно интерпретируют как окончания, хотя некоторые лингвисты рассматривают их как суффиксы. Вообще непонятно, что этот аффикс выражает. Вид? Нет. Переходность / непереходность? Нет. Залог? Нет. Получается, что *-ть*, *-ти* выражает только то, что инфинитив – это инфинитив, т. е. *неопределенная* форма глагола! Воистину при наличии отсутствия!

Кстати, аффикс *-ть* для русского инфинитива неисконен: он возник из *-ти* в результате редукции и отпадения конечного гласного *и* в безударном положении; именно поэтому в русском литературном языке аффикс *-ти* выступает только в тех случаях, когда он находится под ударением (*трясти*); этот аффикс сохраняется в инфинитиве глаголов с префиксом *вы-*, перетягивающим на себя ударение (*вытрясти*).

Некоторые глаголы имеют инфинитив на *-чь* (в них выделяются нулевые окончания): *берегу* – *беречь*, *пеку* – *печь* (*г*, *к* чередуются с *ч*). Звук *ч* возник в результате древнего фонетического изменения групп согласных *гт* и *кт* перед гласным *и*, который впоследствии утратился: *пекти* → *печи* → *печь*, *берегти* → *беречи* → *беречь* (ср. укр. *пекти*, *берегти*).

Что мы еще знаем об инфинитиве? Что генетически он вообще не глагол! По происхождению русский инфинитив – это застывшая форма дательного / местного падежа единственного числа отглагольного имени существительного, склонявшегося по древним основам на *-i-*.

Кстати: в современном русском языке сохраняется связь инфинитива с существительным! Сравните инфинитив *печь* и существительное *печь*, инфинитив *пасть* и существительное *пасть*.

В древнерусском языке было еще одно отглагольное существительное, втянутое в систему глагола, – супин. Если мы назовем супин родным братом инфинитива – не ошибемся!

Супин – это генетически форма винительного падежа единственного числа отглагольного имени существительного с древней основой на -й-. Супин образовывался при помощи аффикса -ть и употреблялся при глаголах движения в функции обстоятельства цели: *и не приде правьдѣникъ призвать* (Изборник 1076 г.)

Эту глагольную форму русский язык утратил. И не удивительно: по своему значению и роли супин был близок инфинитиву, но употреблялся значительно реже. Начиная с XI в. супин стал вытесняться из языка и заменяться формами инфинитива (ср. в Остромировом евангелии *посѣла призвати* «послал призвать» вместо *посѣла призвать*).

В инфинитиве скрыта сила супина!

И если Вы пока еще не влюбились в инфинитив, дорогой читатель, Вам можно позавидовать: у Вас все еще впереди!

ДВУЛИКИЙ ЯНУС РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Как известно, одной из ярчайших особенностей русской глагольной системы является наличие у глагола категории вида. Она выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к внутреннему пределу действия (В. В. Виноградов). Если глаголы совершенного вида содержат указание на предел, границу действия, то глаголы несовершенного вида обозначают действие в его течении, без указания на предел, границу действия.

Глаголу одного вида, как правило, соответствует глагол другого вида с тем же лексическим значением. Такие глаголы составляют видовую пару, например *рисовать – нарисовать, добыть – добывать*.

При образовании глаголов одного вида от глаголов другого вида используются главным образом префиксы и суффиксы, например *готовить – приготовить, редактировать – отредактировать, перечитать – перечитывать, задуть – задуть*. Суффиксальное образование обычно сопровождается чередованием в корне гласных и согласных (*опоздать – опаздывать, расстелить – расстилать, обсудить – обсуждать, закрутить – закручивать* и т. д.). При образовании видов используется также ударение (*отрѣзать – отрѣзѣть, насыпать – насыпѣть*) и слова с разными основами (*брать – взять, класть – положить, ложиться – лечь*).

Кроме того, есть еще и двувидовые глаголы, которые я назвал бы двуликим Янусом русской глагольной системы.

Двувидовые глаголы совмещают значения совершенного и несовершенного видов в одной форме. Это значит, что их видовое значение в большей части форм специальными формальными показателями не выражено. К двувидовым относятся глаголы с суффиксами *-ова-*, *-ирова-*, *-изирова-*, например *использовать*, *атаковать*, *организовать*, *содействовать*, *командировать*, *механизировать*, *госпитализировать*, а также такие глаголы древнего происхождения, как *велеть*, *венчать*, *женить*, *казнить*, *молвить*, *обещать*, *ранить*.

В условиях контекста двувидовые глаголы выступают в значении одного из видов. Ср.: *В течение последних десяти лет ученые плодотворно **исследуют** это интереснейшее явление* (значения несовершенного вида и настоящего времени). – *Будущим летом геологи обязательно **исследуют** долину реки* (значения совершенного вида и будущего простого времени).

В большинстве форм двувидовые глаголы могут быть употреблены как в значении совершенного, так и в значении несовершенного вида. Например, *казнить*, *использовать*, *обследовать*, *госпитализировать* могут быть глаголами как совершенного, так и несовершенного вида в следующих формах: в инфинитиве (неопределенной форме глагола); в формах прошедшего времени (*обследовал*, *казнил*, *госпитализировал*); в формах условного (*обследовал бы*, *казнил бы*, *госпитализировал бы*) и повелительного (*обследуй*, *казни*, *госпитализируй*) наклонений; в форме действительного причастия прошедшего времени (*обследовавший*, *казнивший*, *госпитализировавший*).

В этих случаях видовое значение устанавливается из контекста и поддерживается соседними глаголами с формально выраженным видовым значением (Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – С. 591). Так, в предложении *Мы много раз обследовали вулкан и предупреждали о возможности извержения* на несовершенный вид глагола *обследовали* указывает обстоятельство *много раз* (оно фиксирует повторяемость действия в прошлом) и глагол несовершенного вида *предупреждали*. В случаях типа *я казню, я обследую, я госпитализирую* представлена либо форма настоящего времени несовершенного вида, либо форма будущего простого совершенного вида: *Как только больного госпитализируют, сообщите* (совершенный вид). – *Врач госпитализирует больного и отправляет его на машине скорой помощи* (несовершенный вид).

Как отмечают авторы «Русской грамматики», в других формах двувидовые глаголы имеют разные образования для совершенного и несовершенного вида. Если глагол выступает в форме будущего сложного (*буду обследовать, буду реагировать*), а также в форме причастия настоящего времени (действительные: *обследующий, реагирующий*; страдательные: *обследуемый, госпитализируемый*) и деепричастия с суффиксом *-а-* (*обследуя, реагируя*), то данный глагол является глаголом несовершенного вида.

Определить видовое значение «двуликлого» глагола позволяют фазовые глаголы. В сочетании с ними глагол всегда имеет значение несовершенного вида: *начинаю (буду начинать, начинал, начну, начал), продолжаю (буду продолжать, продолжал, продолжу, продолжил), заканчиваю (буду заканчивать, заканчивал, закончу, закончил) исследовать*.

Возможны случаи, когда ни форма глагола, ни контекст, в котором она употреблена, не вносят ясности в видовое значение глагола: *У вас все на языке атаковать, а не видите, что мы не умеем делать сложных маневров* (Л. Толстой). Здесь возможно двойное понимание видового значения глагола.

Но сколь могуществен фактор системности в языке! Под давлением системы некоторые двувидовые глаголы оказываются вовлеченными в общий процесс образования глаголов совершенного и несовершенного вида.

Это достигается префиксацией (1) и суффиксацией (2).

1. Присоединение видового префикса к двувидовому глаголу образует глагол совершенного вида: *по-женить* (разг.), *вы-молвить*, *у-наследовать*, *о-поэтизировать*, *от-парировать*. Наличие таких префиксальных глаголов может способствовать употреблению беспрефиксных глаголов преимущественно в значении несовершенного вида; образуется видовая пара: *наследовать — унаследовать*.

2. Некоторые двувидовые глаголы образуют глагол несовершенного вида путем присоединения суффикса *-ива-*. Двувидовой глагол без суффикса *-ива-* может стать глаголом совершенного вида; такова пара *арестовать — арестовывать*. В других случаях этого не происходит. Так, в паре *организовать — организовывать* глагол *организовать* является глаголом совершенного вида: *Студенты организовали поездку в Святогорск*. Но этот же глагол может быть употреблен и в значении несовершенного вида: *Обычно мы организуем концерты в актовом зале университета*. Следовательно, образование глагола

организовывать с формально выраженным значением несовершенного вида не превратило глагол *организовать* в глагол совершенного вида.

В ряде случаев от префиксальных глаголов, образованных от двувидовых глаголов, может быть образован (при помощи суффикса) соотносительный глагол несовершенного вида: *перестроить* – *перестраивать*, *реорганизовать* – *реорганизовывать*, *пересортировать* – *пересортировывать*.

НЕВОСПОЛНИМЫЙ

Листья летят, как утраты
Невосполнимые, – в тишь.
Белыми стали квадраты
И треугольники крыш.

Владимир Соколов

Невосполнимый – отглагольное прилагательное. Оно образовано от глагола (*не*) *восполнить* (второго спряжения) при помощи суффикса *-им-*. Было бы ошибкой интерпретировать это слово как страдательное причастие настоящего времени, так как 1) глагол *восполнить* – совершенного вида, а от глаголов совершенного вида причастия настоящего времени не образуются; 2) слово *невосполнимый* не употребляется без приставки-частицы *не-*; 3) при этом слове невозможно употребление дополнения в творительном падеже, обозначающего реального деятеля (ср. *храняемая мною книга*, *уважаемый всеми человек*; *хранимый* и *уважаемый* – страдательные причастия настоящего времени, при них употреблены дополнения в творительном падеже, обозначающие реального деятеля).

В русском языке есть страдательное причастие настоящего времени *восполняемый*, образованное от глагола несовершенного вида первого спряжения *восполнять* (суффикс *-ем-*).

Невосполнимый – не единственное образование такого рода. Есть несколько подобных слов: *возбуждаемый*, *допускаемый*, *незаменимый*, *неисчерпаемый* и др. В их число входит и прилагательное *непобедимый*. Однако интересно, что в поэтической речи 3-я закономерность (невозможность употребления дополнения в творительном падеже, обозначающего реального деятеля) может нарушаться. В широко известном стихотворении В. И. Лебедева-Кумача (оно стало популярной песней, способствовавшей мифологизации социалистической действительности) слово *непобедимый* употребляется как причастие, оно имеет при себе дополнение *никем*: *Кипучая, могучая, Никем не побеждаемая, Страна*

моя, Москва моя, Ты самая любимая!

ВА́РЕННЫЙ – ВАРЁНЫЙ

Как известно, в суффиксах *-нн-* и *-енн-(-ённ-)* полных страдательных причастий прошедшего времени пишется **нн**. Это относится к причастиям как совершенного, так и несовершенного вида: *выстиранное полотенце, стиранные в горячей воде наволочки*. При этом важно четко разграничивать страдательные причастия прошедшего времени и отглагольные прилагательные. Если отглагольное слово образовано от глагола несовершенного вида, оно является страдательным причастием только при наличии зависимых слов (наличие управляемых и примыкающих слов – показатель «глагольности»!): *мощённая кирпичом дорожка, коротко стриженные волосы*. При отсутствии зависимых слов подобные отглагольные образования являются прилагательными, и в них пишется **н**: *мощёная дорожка, стриженные волосы*. Это правило распространяется и на слово *раненый*, образованное от двувидового глагола *ранить* (ср.: *раненый боец – раненный в бою офицер*).

Следует помнить, что согласно орфоэпической норме в словах типа *мощённый, раненный* произносится долгий согласный звук [н:], в отличие от слов *мощёный, раненый* и подобных, в которых произносится [н] нормальной длительности. В русском произношении украинцев и русских, живущих на Украине, иногда встречается произношение [н] нормальной длительности и в словах типа *мощённый, раненный*. Такое произношение неправильно.

В отдельных случаях причастия и прилагательные различаются еще и ударением: *ва́ренный – варёный, га́шенный – гашёный, мо́ченный – мочёный, пи́ленный – плёный, со́ленный – солёный, су́шенный – сушёный, то́пленный – топлёный, то́ченный – точёный*. Сравните: *ва́ренный в котелке борщ* (причастие *ва́ренный*) – *варёная морковь* (прилагательное *варёный*).

«ЗА» И «ПРОТИВ» ЗА И ПРО

Вспоминается анекдот о рядовом и сержанте.

Рядовой. *В каждом батальоне триста солдатов, десять офицер и пять танок.*

Сержант. *Чего-чего?*

Рядовой. *Танок.*

Сержант. *Ты шо, падежов не знаешь?*

Не знаем мы падежей. Точнее, неправильно употребляем предложно-падежные формы.

Есть такой предлог – *за*. К сожалению, в русской речи на Украине, в том числе в речи учащихся и даже учителей, часто приходится слышать примеры вроде *Я уже не говорю за твою работу. Расскажи мне за эту передачу*. Одна студентка выразилась так: *Я почти ничего не знаю за Бальзака*. Прямо внутренняя рифма какая-то!

В подобных конструкциях предлог *за* употреблен с винительным падежом имени существительного (он может употребляться и с творительным). Согласно «Словарю русского языка» в 4 томах (Т. 1. – М. : Русский язык, 1985. – С. 490–491), предлог *за* с винительным падежом употребляется в 17 значениях. Однако он не используется при указании на лица, предметы и явления, на которые направлена речь или мысль. Таким образом, в приведенных примерах нарушены нормы современного русского литературного языка. Если в нормативной речи употреблено предложение *Я говорил за тебя*, его надо понимать как «вместо тебя», а не как «о тебе».

Следует говорить так: *Я уже не говорю о твоей работе. Расскажи мне об этой передаче. Я почти ничего не знаю о Бальзаке* (но вообще-то знать хоть что-то о Бальзаке совсем не помешает). Именно предлог *о* и его варианты *об*, *обо* (с предложным падежом) следует употреблять при обозначении лиц, предметов и явлений, на которые направлена речь или мысль.

Предлогу *о* (*об*, *обо*) в указанном значении синонимичен предлог *про* (он употребляется с винительным падежом). В устной русской речи на Украине, в произведениях русских писателей Украины он используется очень часто. Так, у Павла Беспощадного находим: *Горько вспомнить про былое, странно вспомнить о былом, про хозяйские заботы с непосильной кабалой* (здесь параллельно употребляются оба предлога). Сочетания с предлогом *про* не нарушают норму. Однако в русском языке они имеют яркий разговорный оттенок (в украинском подобные сочетания стилистически нейтральны и, следовательно, эквивалентны русским сочетаниям с предлогом *о*). Русские обороты с предлогом *про* можно употреблять в ситуациях бытового общения, в непринужденной беседе. Но в письменной и устной речи журналиста, в речи учителя и учащихся на уроке и т. п. сочетания вроде *говорить про погоду, думать про тебя* неуместны. Следует предпочитать обороты *говорить о погоде, думать о тебе*.

Повышенная активность предлога *за* в устной русской речи на Украине проявляется и в том, что предлог *за* нередко употребляют со сравнительной степенью имен прилагательных и наречий: *Днепр шире за Ворсклу. Она лучше за меня знает английский.* Такие конструкции, встречающиеся в речи учащихся, ненормативны. Их появление связано с влиянием украинского языка (напомним, что это явление называется интерференцией). В украинском обычны предложения вроде *Дніпро ширший за Ворсклу. Вона краще за мене знає англійську.* В русской же речи следует говорить: *Днепр шире Ворсклы. Она лучше меня знает английский.*

НЕ ИЗБЕГАЙТЕ ПРЕДЛОГА ИЗ!

В устной русской речи на Украине предлог *с* (*со*) может ненормативно употребляться вместо *из* (*изо*). Вот примеры: *Дети принесли яблоки с сада* (правильно: *Дети принесли яблоки из сада*). *Он с села* (правильно: *Он из села*). *Мы приехали с Киева, а они со Славянска* (правильно: *Мы приехали из Киева, а они из Славянска*). *Серезжа пришел со школы взволнованный* (правильно: *Серезжа пришел из школы взволнованный*). *Это были гости с университета* (правильно: *Это были гости из университета*).

Ненормативное употребление предлога *с* (*со*) вместо *из* (*изо*) обусловлено интерферирующим воздействием украинского языка. Сравните в украинском: *Ми приїхали з Києва, а вони зі Слов'янська. Це були гості з університету.*

Обратимся к истории предлогов *из* и *с*. Они унаследованы русским языком из древнерусского (древнерус. *изъ* и *съ*). В украинском *изъ* и *съ* совпали в одном предлоге *з* (он имеет фонетические варианты *із*, *зі*, редко *зо*), употребляющемся с родительным, винительным и творительным падежами существительных, местоимений и числительных.

Но вернемся к русскому языку. В нем предлог *из* употребляется только с родительным падежом, а *с* – с родительным, винительным и творительным. Различны и значения этих предлогов. Во-первых, как отмечается, в частности, в «Словаре русского литературного словоупотребления» (Киев : Наукова думка, 1987. – С. 86, 222), *из* соотносится с предлогом *в* (*в Закарпатье – из Закарпаття, в Крым – из Крыма, в город – из города, в школу – из школы*), а *с* – с предлогом *на* (*на Украину – с Украины, на Кавказ – с Кавказа, на работу – с работы, на крышу – с крыши*). Во-вторых, предлог *с* употребляется при обозначении направленности действия с

поверхности предмета, а *из* – при обозначении направленности действия изнутри чего-либо. Сравните, например: *Он взял бумаги со стола* (т. е. «с поверхности стола») и *Он взял бумаги из стола* (т. е. «изнутри стола»).

Как указывает Д. Э. Розенталь в словаре-справочнике «Управление в русском языке» (М.: Книга, 1986. – С. 244–245), предлог *из* употребляется при обозначении состояния, которое нарушается, прерывается (*выйти из терпения*), при указании на источник, из которого черпаются сведения, впечатления (*узнать из газет*), при характеристике лица или предмета путем указания на место, учреждение, откуда они происходят (*девушка из нашего города*), при обозначении совокупности, откуда выделяется кто-либо или что-либо (*один из лучших учеников*), при указании чего-либо сложного путем выделения образующих его отдельных предметов (*букет из роз*), при названии целого предмета или совокупности предметов, откуда извлекается часть (*отрывки из повести*), при обозначении материала, из которого что-либо сделано (*ограда из камня*), и лица или предмета, которые, подвергаясь действию, дают какой-то результат (*Из желудя вырос дуб*), при указании причины, основания, повода (*задержаться из боязни темноты*).

Именно в указанных значениях в русской речи на Украине необоснованно употребляется предлог *с* вместо нормативного *из*.

ПРЕДЛОГИ *К, В, ДО*

Обороты с предлогом *до* в украинском языке используются шире, чем в русском. Поэтому в русской речи на Украине предлог *до* (с существительными и местоимениями в родительном падеже) нередко употребляется вместо нормативных *к* (с существительными и местоимениями в дательном падеже) и *в* (с существительными и местоимениями в винительном падеже). Вот примеры: *Андрей заехал до сестры* (правильно: *Андрей заехал к сестре*). *В нем живет любовь до Украины* (правильно: *В нем живет любовь к Украине*). *Зайдите до магазина* (правильно: *Зайдите в магазин*). Интерферирующее воздействие украинского языка на русский здесь несомненно. В украинском широко употребительны обороты типа *заїхати до сестри, любов до України, зайти до магазину*. Но конструкции, свойственные украинскому языку, не следует переносить в русский.

Предлог *до* ненормативно может употребляться и вместо *по*: *Трава ей до колен* (правильно: *Трава ей по колени*). Здесь уместно сравнение с нормативным украинским *Трава їй до колін*. Вновь

приходится говорить об интерференции.

Не следует ли чаще обращать внимание школьников, на каком языке они говорят? Давайте добиваться, чтобы они говорили по-русски на русском и по-украински – на украинском!

ТОЛЬКО ПОТОМУ ЧТО!

В материале журналистки Инны Образцовой «Шестидесятник XXI века», посвященном поэту Евгению Евтушенко (газета «Аргументы и факты в Украине», 2003 г., июль, № 30), есть такое предложение: *Теперь он сидит напротив, напрасно смущаясь своего возраста, **потому как** годы его не портят.* Здесь, к сожалению, допущена небрежность – ненормативное употребление союза *потому как*. Нормативными причинными союзами (они употребляются в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины) в современном русском языке являются стилистически нейтральные *потому что, оттого что, так как* и книжные союзы *ибо, вследствие того что, в связи с тем что, ввиду того что, в силу того что, благодаря тому что*. Вот некоторые примеры: *Машина засветила фары, **потому что** в лесу уже стемнело* (Г. Николаева). *И собаки притихли, **оттого что** никто посторонний не тревожил их покоя* (А. Фадеев). *Пожалуйста, пришлите корректуру, **так как** рассказ еще не кончен...* (А. Чехов). ***Вследствие того что** мы рано встали, мы рано выступили с бивака* (В. Арсеньев). *Существование – будто сестра, не совершай мы волшебных ошибок. Жизнь – это точно любимая, **ибо** благодарю, что не умер вчера* (А. Вознесенский).

Потому как – союз просторечный, и пишущему (писателю, журналисту) можно употреблять его лишь со специальной целью – в речи героя (персонажа) для его характеристики. В научных же и официально-деловых текстах этот союз вообще недопустим.

Давайте беречь наш великий русский язык! Небрежность, вольности в обращении со словами приводят к расшатыванию литературной нормы. Ведь читатели могут поверить написанному и усвоить неправильное словоупотребление.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов В. П. Созвездия слов. – М., 1989.
- Вартаньян Э. А. Путешествие в слово. – М., 1976.
- Глущенко В. Языковая ярмарка. – Славянск, 2008.
- Глущенко В. А. Из жизни слов русского языка / В. А. Глущенко, Л. А. Быкова, Н. П. Матвеева, Н. М. Маторина, Ю. В. Ледняк. – Славянск, 2007. – Вып. 10.
- Голанова Е. И. Как возникают названия. – М., 1989.
- Ковалев В. И. Словарь этимологически проверяемых слов русского языка. – Луганск, 2002.
- Колесов В. В. История русского языка в рассказах. – М., 1982.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2009.
- Матвеева Н. П. Свидетели истории народа : наследие пращуров. – М., 1993.
- Милославский И. Г. Зачем нужна грамматика? – М., 1988.
- Новиков В. Новый словарь модных слов. – М., 2008.
- Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы. – М., 1988.
- Ольшанский О. Е. Из жизни слов русского языка / О. Е. Ольшанский, В. А. Глущенко, Л. А. Быкова, Н. П. Матвеева, Н. М. Маторина, Ю. В. Ледняк. – Славянск, 1998 – 2006. – Вып. 1 – 9.
- Откупщиков Ю. В. К истокам слова : рассказы о науке этимологии. – М., 1986.
- Сахарный Л. В. Как устроен наш язык. – М., 1978.
- Успенский Л. В. Слово о словах. – К., 1987.
- Феллер М. Д. Как рождаются и живут слова. – М., 1964.
- Шанский Н. М. В мире слов. – М., 1978.
- Шанский Н. М. Снова в мире слова / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М., 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

НОВЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК?

Блин в натуре.....	4
Артикли в русском?! (по мотивам анекдота).....	5
О крутом качке и нерусском языке.....	6
Апологетика апофигетики.....	8
Код Бернштейна.....	9
Ругаются ли японцы?.....	11

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

<i>Бык, букашка и пчела</i>	13
Восвояси.....	15
<i>Город и тын</i>	16
Искусство.....	17
<i>Перст и перчатка</i>	18
Ток.....	19
<i>Хорь и тхір</i>	20
Сумрак – сутки.....	20
Славянск.....	22
Алтарь.....	23
Елей.....	24
Аритмия.....	25
<i>Вратарь, голкипер и кипер</i>	26
Тайм. Тайм-аут.....	28

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ваше благородие, госпожа грамматика.....	29
<i>Покойник и мертвец</i>	30
Более четырех человек?!.....	31
Двенадцать, двадцать, двести.....	32
<i>Пять, пятерка и пяток</i>	34
Ихний? Их!.....	36
Гимн инфинитиву.....	38
Двуликий Янус русской глагольной системы.....	41
Невосполнимый.....	44
Варенный – варёный.....	45
«За» и «против» <i>за</i> и <i>про</i>	45
Не избегайте предлога <i>из!</i>	47
Предлоги <i>к, в, до</i>	48
Только <i>потому что!</i>	49

Владимир Андреевич Глущенко

Слово: культура и история

Пособие для студентов и учителей

Ответственный редактор: Л. П. Иванова, доктор филологических наук, профессор (Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова).